

Клиника: анатомия жизни

Автор:

[Артур Хейли](#)

Клиника: анатомия жизни

Артур Хейли

Артур Хейли: классика для всех

Больница. Удивительный замкнутый мир, где лечат и спасают людей от смерти. Здесь каждую секунду надо быть готовым к схватке за жизнь человека. Здесь кипят нешуточные страсти, ведь врачи и медсестры – мужчины и женщины – способны на любовь и предательство, на смертельный риск ради высшей цели – и на холодные интриги ради карьеры.

Они враждуют и дружат, вступают в мелкие «междоусобные войны» – и снова объединяются, если на карту поставлена судьба пациента...

Артур Хейли

Клиника: анатомия жизни

Arthur Hailey

THE FINAL DIAGNOSIS

Перевод с английского А.Н. Анваера

Серийное оформление В.Е. Половцева

Печатается с разрешения издательства Doubleday, an imprint of The Knopf Doubleday Publishing Group, a division of Random House, LLC.

© Arthur Hailey, 1959

© Перевод. А.Н. Анваер, 2011

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Глава 1

В это жаркое летнее утро жизнь в клинике Трех Графств текла как обычно – то обманчиво замирала, то вскипала высокими бурунами, словно на нее действовали невидимые отливы и приливы. За стенами клиники изнывали от неимоверной жары граждане города Берлингтон, штат Пенсильвания, – тридцать два градуса в тени при влажности семьдесят восемь процентов. В районе сталелитейного завода и на железнодорожном узле, где не имелось ни тени, ни градусников, температура – если бы кто-нибудь взял на себя труд ее измерить – была еще выше. В клинике было прохладнее, чем на улице в тени, но ненамного. От жары страдали больные и персонал. Лишь немногие счастливики – состоятельные пациенты и большие начальники – наслаждались прохладой в помещениях с кондиционерами.

В приемном отделении, расположенном на первом этаже, кондиционеров не было, и Мадж Рейнолдс, вытащив из ящика стола пятнадцатую гигиеническую салфетку и промокнув мокрое лицо, решила наведаться в туалет, чтобы приложить соответствующие салфетки и к иным, более потаенным местам. В свои тридцать восемь лет мисс Рейнолдс была не только главным регистратором приемного отделения, но и прилежной читательницей рекламы женских гигиенических средств. В результате ее постоянно мучил страх оказаться не на высоте своего санитарного состояния, и она непрерывно курсировала по маршруту от своего стола до дамского туалета, расположенного в конце коридора. Правда, сначала она решила оповестить четверых больных о

предстоящей им сегодня госпитализации.

Несколько минут назад из отделений поступила сводка о выписке. Вместо планировавшихся на выписку двадцати четырех больных были выписаны двадцать шесть. Если прибавить к этому две ночные смерти, то из списка очередников на плановую госпитализацию можно было выбрать еще четыре фамилии. В четырех домах Берлингтона и его окрестностей какие-то люди, кто с надеждой, кто со страхом, соберут самое необходимое и отправятся в клинику Трех Графств, чтобы вверить свою жизнь и судьбу медицине – в том ее виде, в каком ее практиковали в этом лечебном учреждении. Промокнув лицо шестнадцатой салфеткой, мисс Рейнолдс открыла журнал, придвинула к себе телефон и набрала номер.

В лучшем положении, по сравнению с персоналом приемного отделения клиники, находились счастливицы, ожидавшие своей очереди в приемной поликлинического отделения. Здесь в шести кабинетах, оснащенных кондиционерами, шестеро специалистов бесплатно принимали амбулаторных больных, которые не желали или не имели возможности в частном порядке обратиться к тем же специалистам в городском медицинском центре.

В кабинете отоларинголога старик Руди Германт, время от времени работавший на заводе – когда заставляли жена и дети, – удобно расположился в кресле и наслаждался прохладой, пока доктор Джон Макьюэн выяснял причину его нарастающей глухоты. Собственно, сам больной не слишком сильно страдал от нее – глухота была ему даже выгодна, особенно когда мастер приказывал быстрее поворачиваться или делать что-то сверх нормы. Но старший сын решил, что отцу пора заняться ушами, и Руди оказался здесь.

Доктор Макьюэн раздраженно вытащил отоскоп из уха старика.

– Было бы неплохо вымыть из ушей всю эту грязь, – язвительно заметил он.

Такая раздражительность в общении с пациентами была в общем-то Макьюэну несвойственна. Но сегодня утром за завтраком продолжался его спор с женой о семейных расходах, начавшийся еще накануне. Из-за этой перепалки он так разнервничался, что, выезжая из гаража на своем новеньком «олдсмобиле», сильно помял правое заднее крыло.

Руди поднял на врача исполненный благожелательного любопытства взгляд.

– Что у меня, доктор? – вежливо поинтересовался он.

– Я сказал, что было бы неплохо... Собственно, это не важно, – ответил Макьюэн, лихорадочно соображая, чем могла быть вызвана глухота пациента – старостью или небольшой опухолью. Случай показался ему интригующим, и профессиональный интерес заглушил раздражение.

– Я не слышал, что вы сказали, – терпеливо объяснил Руди.

Макьюэн повысил голос:

– Ничего особенного! И ничего страшного! – В этот момент врач был страшно рад глухоте старого Руди, стыдясь своей вспышки.

Тучный терапевт, доктор Льюис Тойнби, прикурив новую сигарету от предыдущей, окинул изучающим взглядом сидевшего напротив не менее тучного пациента. Размышляя о его болезни, доктор Тойнби испытывал некоторую горечь, так как решил на неделю-другую отказаться от китайских блюд. Правда, на этой неделе он приглашен на два обеда, а в следующий вторник состоится очередная встреча в клубе гурманов, поэтому экстренную диетическую меру удастся перенести без особого труда. Мысленно поставив диагноз, доктор Тойнби вперил в пациента строгий взгляд и весомо изрек:

– Вы страдаете ожирением, и я предпишу вам диету. Кроме того, вам непременно следует бросить курить.

Приблизительно в сотне ярдов от того места, где специалисты творили суд и расправу, по коридору первого этажа, обильно потея от жары и преодолевая толчею, торопливо шла мисс Милдред, старший регистратор клиники. Мало того, не обращая внимания на жару, женщина ускорила шаг, увидев, что ее жертва свернула за угол и пропала из вида.

– Доктор Пирсон! Доктор Пирсон!

Когда она поравнялась с ним, пожилой патологоанатом клиники остановился, сдвинул сигару в угол рта и раздраженно бросил:

– В чем дело?

Маленькая мисс Милдред, старая дева пятидесяти двух лет, едва достигавшая пяти футов на самых высоких шпильках, робко съежилась под хмурым взглядом доктора Пирсона. Но рапорта, формуляры и папки были смыслом ее жизни. Мисс Милдред собралась с духом:

– Доктор Пирсон, надо подписать протоколы вскрытия. Комитет здравоохранения затребовал дополнительные копии.

– В другой раз. Я очень спешу. – Сегодня августейший Джозеф Пирсон был сильно не в духе.

Но мисс Милдред стояла на своем:

– Прошу вас, доктор Пирсон. Это займет всего лишь секунду. Я и так уже гоняюсь за вами третий день.

Доктор Пирсон неохотно сдался. Вздохнув, он взял у мисс Милдред протоколы и ручку, подошел к стоявшему в коридоре столу и принялся, ворча, подписывать листы.

– Я даже не знаю, что подписываю. Что это?

– Случай Хоудена, доктор Пирсон.

Пирсон никак не мог остыть.

– Этих случаев столько, что все и не упомнишь.

Мисс Милдред терпеливо напомнила:

– Это рабочий, который погиб от падения с высоты. Он сорвался с цеховых подмостков. Если вы помните, руководство завода утверждало, что у Хоудена произошел сердечный приступ и в противном случае он не мог бы упасть, так как администрация всегда придает первостепенное значение технике безопасности.

– Угу, – неопределенно хмыкнул доктор Пирсон.

Он подписывал страницу за страницей, а мисс Милдред продолжала свой рассказ. Она отличалась непреодолимой склонностью доводить до логического конца любое начатое ею дело.

– Вскрытие, однако, показало, что у Хоудена было совершенно здоровое сердце, да и вообще он не страдал никакими заболеваниями, от которых могло бы произойти падение.

– Все это я знаю, – резко оборвал ее патологоанатом.

– Простите, доктор Пирсон. Я думала...

– Это был несчастный случай на производстве. Администрация предприятия должна выплачивать вдове пенсию.

Доктор Пирсон поправил во рту сигару и поставил следующую подпись, ухитрившись при этом порвать лист. А мисс Милдред за это время машинально отметила про себя, что на галстук доктора прибавилось пятен от яичного желтка, а заодно подумала, что расческа уже много дней не касалась его густых седых волос. В личности Джозефа Пирсона – заведующего отделением патологической анатомии – сочетались шут и скандалист. Десять лет назад у Пирсона умерла жена, и с тех пор его одежда начала постепенно, но неотвратимо ветшать. Теперь, в возрасте шестидесяти шести лет, он больше походил на бродягу, нежели на руководителя одного из главнейших отделений клиники. Сейчас под его халатом была старая вязаная куртка с растянутыми петлями и с двумя дырками, прожженными скорее всего кислотой. Серые, давно не глаженные брюки мешковато спадали на поношенные и соскучившиеся по щетке и ваксе ботинки.

Джозеф Пирсон подписал последний лист и почти с ненавистью сунул пачку копий в руки мисс Милдред.

- Теперь, надеюсь, я могу заняться делом?

Сигара прыгала у него во рту, рассыпая пепел, отчасти на его халат, а отчасти на отполированный до блеска линолеум. Пирсон так давно работал в клинике Трех Графств, что ему сходилась с рук и грубость, которую не стали бы терпеть от более молодого сотрудника, и курение везде, где он хотел, даже у грозных надписей «Не курить», развешанных в коридорах на самых видных местах.

- Спасибо, доктор, - проворковала мисс Милдред. - Большое вам спасибо.

Доктор Пирсон коротко кивнул в ответ и вышел в вестибюль, надеясь спуститься в подвал на лифте. Однако оба лифта были заняты, и Пирсон, испустив недовольное восклицание, отправился в свое отделение по лестнице.

В хирургическом отделении, расположенном тремя этажами выше, было прохладнее. А в операционном отделении, где тщательно контролировались температура и влажность, врачи и сестры в легкой форме, надетой прямо на нижнее белье, могли чувствовать себя весьма комфортно. Несколько хирургов, закончив утренние операции, сидели в комнате отдыха и пили кофе, прежде чем снова вернуться к операционным столам. Из операционных, двери которых выходили в коридор, сестры развозили на каталках еще не вышедших из наркоза больных по расположенным в обоих крыльях этажа послеоперационным палатам. Там они будут находиться до тех пор, пока состояние не позволит перевести их в соответствующие клинические отделения.

Отхлебывая огненно-горячий кофе, хирург-ортопед Люси Грейнджер пылко превозносила достоинства купленного ею накануне «фольксвагена».

- Прошу прощения, Люси, - сказал доктор Бартлет, - но боюсь, что я сегодня случайно наступил на стоянке на твой автомобиль.

- Ничего страшного, Гил, - ответила Люси. - Должно быть, тебе до того тяжело каждый день обходить детройтское чудовище, на котором ты едешь, что

просто некогда смотреть под ноги.

Гил Бартлет, один из специалистов по общей хирургии, был известен как обладатель кремового «кадиллака», всегда тщательно вымытого и безупречно отполированного. Этот автомобиль служил отражением щеголеватости владельца, который всегда был одет лучше других врачей клиники Трех Графств. Помимо этого, Бартлет был единственным обладателем ухоженной и аккуратно подстриженной бороды, делавшей его похожим на Ван Дейка. Когда доктор Бартлет говорил, борода двигалась вверх и вниз – этот процесс просто завораживал Люси.

К ним подошел Кент О’Доннелл. О’Доннелл заведовал хирургическим отделением и, кроме того, был председателем медицинского совета клиники.

Бартлет тут же обратился к нему:

– Кент, я как раз вас искал. На следующей неделе я буду читать сестрам лекцию о тонзилэктомии у взрослых, так не найдется ли у вас слайдов с аспирационными трахеитами и пневмониями?

О’Доннелл задумался, перебирая в уме свою коллекцию цветных учебных фотографий. Он сразу понял, зачем они нужны Бартлету. Все дело было в редком и малоизвестном осложнении после удаления миндалин у взрослых. Как и большинство хирургов, О’Доннелл знал, что даже при самом тщательном соблюдении хирургической техники крошечные частички миндалин могут попасть в дыхательные пути и стать причиной абсцесса легкого. Он вспомнил, что у него есть несколько таких фотографий, сделанных во время вскрытий.

– Думаю, что найдется, – ответил он Бартлету. – Сегодня вечером поищу.

– Если у тебя нет фотографий трахеи, дай ему снимки прямой кишки. Он все равно не заметит разницы, – сказала Люси Грейнджер.

Врачи дружно рассмеялись.

О’Доннелл тоже не смог сдержать улыбки. Они с Люси были старыми друзьями, и О’Доннелл часто думал, что, будь у них больше времени и возможностей, эта

дружба могла бы перерасти в нечто большее. Люси нравилась ему во многих отношениях, и не в последнюю очередь он любил ее за ту непринужденность, с какой она держала себя в сфере, которая в медицине считается чисто мужской. В то же время Люси никогда не теряла своего женского обаяния. Хирургический костюм делал ее бесформенной, такой же, как и окружавшие ее мужчины, но О'Доннелл знал, что под ним скрывается стройная и ладная фигура, которую Люси умело подчеркивала консервативной, но стильной одеждой.

От этих мыслей О'Доннелла отвлекла медсестра, постучавшая и заглянувшая в дверь ординаторской.

- Доктор О'Доннелл, - сообщила она, - вас ждут родственники вашего больного.

- Скажите им, что я сейчас к ним выйду.

Он пошел в раздевалку, снял хирургический костюм и переоделся. Сегодня у него была запланирована одна операция, и в операционную он больше не вернется. Сейчас он поговорит с родственниками больного, которому он только что успешно удалил желчный пузырь, а потом займется административными делами.

Этажом выше хирургического отделения, в палате сорок восемь для частных больных, Джордж Эндрю Дантон только что утратил способность реагировать на термические раздражители. До констатации смерти оставалось секунд пятнадцать. Доктор Макмагон держал больного за запястье, щупая пульс, а медсестра Пенфилд усилила мощность кондиционера до предела. В палате находилась семья Дантона, и в помещении было очень душно. Хорошая семья, отметила про себя сестра Пенфилд, - жена, взрослый сын и юная дочь. Жена тихо плакала, дочь молчала, но по щекам ее неудержимо струились слезы. Сын отвернулся к окну, но плечи его предательски вздрагивали. «Надеюсь, что когда я буду умирать, - подумала вдруг Элен Пенфилд, - по мне тоже будут так плакать - это лучше любого некролога».

Доктор Макмагон отпустил руку больного и выразительно посмотрел на остальных. Слова были не нужны, и сестра Пенфилд зафиксировала в истории болезни время смерти - десять часов пятьдесят две минуты.

В коридорах, куда выходили двери общих палат и палат для частных больных, наступило временное затишье. Утренние назначения сделаны, врачебные обходы закончены. Новая волна суеты наступит к обеду, а пока некоторые медсестры отправились в столовую выпить по чашке кофе, а другие остались на постах, чтобы закончить записи в картах.

«Жалобы на непрекращающиеся боли в животе», – записала сестра Уилдинг в карте одной больной и хотела было перейти к следующей строчке, но передумала.

Во второй раз за это утро седовласая Уилдинг, бывшая в свои пятьдесят шесть одной из старейших медсестер отделения, сунула руку в карман медицинской формы и извлекла оттуда уже дважды прочитанное ею письмо, пришедшее на адрес клиники. Из конверта, когда она его открыла, выпала фотография юного младшего лейтенанта флота, стоящего под руку с красивой девушкой. Сестра Уилдинг внимательно всмотрелась в фотографию, прежде чем снова, в третий раз, перечитать письмо.

«Дорогая мама, для тебя это будет большим сюрпризом, но здесь, в Сан-Франциско, я встретил девушку, с которой мы вчера поженились. Я понимаю, что в какой-то мере это будет большим разочарованием для тебя. Ведь ты всегда говорила, что хотела бы присутствовать на моей свадьбе. Но я уверен, что ты поймешь меня, если я скажу...»

Сестра Уилдинг оторвалась от письма и подумала о своем мальчике, которого она всегда помнила, но которого так редко видела. После развода с мужем она одна растила Адама до его поступления в колледж в Аннаполисе. Потом были его редкие приезды по выходным и короткие отпуска, затем сына направили на флот, и вот он уже взрослый мужчина, принадлежащий другой женщине. Сегодня она отправит ему телеграмму с изъявлениями любви и добрыми пожеланиями. Много лет назад она говорила, что, как только Адам оперится и встанет на ноги, тотчас уволится с работы, но этого не сделала, а теперь увольнение уже не за горами и нет нужды его торопить. Она положила письмо с фотографией в карман, взяла ручку и закончила запись: «Остаются небольшая тошнота и понос. Доведено до сведения доктора Рейбенса».

На четвертом этаже, в акушерском отделении, никогда нельзя было наперед сказать, каким будет день. Дети, думал доктор Чарльз Дорнбергер, моя руки вместе с двумя другими акушерами, имеют неприятное обыкновение появляться на свет пачками. Бывали, конечно, часы, а порой и дни, когда все происходило размеренно и упорядоченно – дети рождались по очереди, но потом разверзались двери ада и в отделении оказывалась дюжина женщин, рожаящих одновременно. Сейчас как раз наступил один из таких моментов.

Его пациентка, жизнерадостная толстуха негритянка, готовилась произвести на свет десятого ребенка. Она поступила, когда роды уже начались, поэтому в родильный блок ее доставили из приемного отделения «Скорой помощи» на каталке. Моя руки, Дорнбергер слышал ее диалог с интерном – молодым, стажирующимся в клинике врачом, – сопровождавшим роженицу в отделение.

Очевидно, как это всегда бывало в подобных случаях, интерн освободил лифт от всех прочих пассажиров, чтобы доставить в родблок экстренную пациентку.

– Все эти милые люди вышли из лифта ради меня, – говорила негритянка. – Никогда в жизни не чувствовала себя такой важной.

Дорнбергер услышал, как интерн посоветовал женщине расслабиться, на что она ответила:

– Расслабиться, сынок? Я и так уже расслабилась. Я всегда расслабляюсь, когда рожая. Мне же теперь не надо ни мыть посуду, ни стирать, ни готовить. Да я всей душой хотела сюда попасть. Для меня это праздник. – Началась схватка, женщине стало больно, и она замолчала, потом снова заговорила сквозь стиснутые зубы: – У меня уже девять детей, этот будет десятым. Старший уже такой же, как ты, сынок. Ничего, через годик ты снова меня увидишь. Я опять буду здесь.

Женщина засмеялась. Потом голос ее стих, заговорили сестры, а интерн вернулся к себе, в отделение неотложной помощи.

Дорнбергер посушил руки, надел стерильный костюм и, следуя за каталкой с роженицей, потев от жары, пошел в родовой зал.

В кухне клиники, где жара не причиняла ее работникам особых неудобств просто в силу того, что они к ней привыкли, Хильда Строган, главная диетсестра, откусила добрый кусок пирога с изюмом и одобрительно кивнула повару. Хильда подозревала, правда, что этот кусок с его калориями скажется в конце недели на показаниях напольных весов в ванной, но успокаивала свою совесть тем, что ее долг – пробовать все меню клиники. Кроме того, ей было уже поздно волноваться по поводу калорий и лишнего веса. Результаты прежних проб, постепенно накапливаясь, привели к тому, что стрелка весов уже давно перевалила за двести фунтов, добрая толика которых приходилась на ее величественный бюст. Это были два Гибралтара, о которых в клинике ходили легенды. Когда Хильда Строган шествовала по коридору, она была похожа на авианосец с эскортом из двух крейсеров.

Помимо еды, миссис Строган была влюблена в свою работу. Сейчас она удовлетворенно оглядывала свою империю – сияющие стальные печи, сверкающую посуду, безупречно отбеленные и отутюженные передники поваров и их помощников, чистые разделочные столы. При виде этого великолепия в груди миссис Строган разливалось приятное тепло.

Обеденное время было для кухни самым тяжелым, так как, кроме больных, в это время надо было накормить в столовой и персонал. Через двадцать минут каталки с едой разъедутся по отделениям, но работа с обедом продлится еще не меньше двух часов. А потом, пока посудомойки будут чистить и мыть тарелки, повара примутся за приготовление ужина.

Воспоминание о тарелках заставило миссис Строган задумчиво нахмуриться. Она устремилась в задний отсек кухни, где были установлены две большие посудомоечные машины. Этот отсек кухни был не таким блестящим и современным, как остальные, и главная диетсестра уже не в первый раз подумала, как она была бы счастлива, если бы оборудование этой части ее владений поменяли на самое современное. Она понимала, правда, что нельзя добиться всего сразу, и была вынуждена признать, что за два года работы в клинике Трех Графств сумела так достать администрацию, что та закупила для кухни массу дорогостоящего нового оборудования. Но все равно, отправившись проверять паровые столы в столовой, миссис Строган решила в ближайшее время еще раз обратиться к начальству.

Но не одна диетсестра думала в это время о еде. На втором этаже, в рентгеновском отделении, перед дверью кабинета номер один сидел амбулаторный пациент Джим Блэдвик, который, по его собственному выражению, был голоден как черт.

Для этого были очень веские основания. По рекомендации семейного врача Джим голодал со вчерашнего вечера и теперь был готов к рентгеновскому исследованию, которое должно было подтвердить догадку врача о том, что в двенадцатиперстной кишке Джима Блэдика, вице-президента одной из трех крупнейших в городе дилерских компаний по продаже автомобилей, всюду цветет язва. Сам Блэдвик в глубине души надеялся, что подозрения лечащего врача не имеют под собой никакой почвы. Более того, он надеялся, что ни язва, ни что-либо другое не может, не смеет уничтожить то, чего он наконец достиг благодаря жертвам, воле, упорству и выносливости за три года тяжелого изнурительного труда.

Естественно, Джим волновался – да и кто бы на его месте не волновался, имея каждый месяц определенную долю продаж, которую надо было выполнить невзирая ни на что. Это не может быть язва. Нет, это что-то другое, какой-нибудь пустяк, который можно вылечить быстро, навсегда и без особых усилий. Вице-президентом по продажам Блэдвик стал всего шесть недель назад, и он отчетливо понимал, что удержать этот гордый титул сможет только в одном случае – если будет обеспечивать результат. Но для этого надо быть в форме – оставаться сильным, крепким, неутомимым. Никакой медицинский диагноз не сможет оправдать падение продаж.

Некоторое время Блэдвик держался, надеясь, что все рассосется само собой. Около двух месяцев назад у него появились неприятные ощущения и разлитые боли в области желудка; появилась и отрыжка. Она зачастую беспокоила его в самый неподходящий момент – когда рядом находились клиенты. Поначалу Блэдвик старался не обращать внимания на эти недомогания, убеждая себя в том, что все в порядке, но в конце концов дискомфорт стал таким сильным, что пришлось обратиться к врачу. В результате Джим Блэдвик и оказался здесь, в рентгеновском отделении клиники Трех Графств. Джим надеялся, что исследование не займет много времени. Переговоры по продаже шести грузовиков начали заходить в тупик, а продажа была нужна как воздух. Господи, как же хочется есть!

Для доктора Ральфа Белла, рентгенолога по прозвищу Динь-Дон, это была всего лишь очередная рентгеноскопия желудочно-кишечного тракта, ничем не отличавшаяся от сотен других. Правда, иногда рентгенолог не отказывал себе в удовольствии поиграть в своеобразную интеллектуальную игру, и на этот раз он заключил сам с собой пари, решив, что у этого парня обязательно окажется язва. Пациент был очень похож на язвенника. Доктор Белл украдкой рассматривал больного, пряча глаза за толстыми стеклами очков в массивной роговой оправе. Этот человек мнителен и сейчас сильно волнуется и злится. Рентгенолог усадил Блэдвика за экран и дал ему в руку стакан с бариевой взвесью.

- Вы выпьете это по моей команде, - объяснил он.

Приготовившись, Белл произнес:

- Пейте!

Блэдвик послушно выпил беловатое содержимое стакана.

Вглядываясь в экран, доктор Белл следил за путем бария по пищеводу, желудку и двенадцатиперстной кишке. Непрозрачная для рентгеновских лучей жидкость четко очерчивала контуры внутренних стенок этих органов, и Белл в нужные моменты нажимал кнопку, делая снимки. Для того чтобы направить барий в нужное место, Белл затянутой в массивную перчатку рукой сдавливал и мял живот Джима Блэдвика. Наконец рентгенолог увидел его - кратер в стенке двенадцатиперстной кишки. Язва. Классическая, как в учебнике, не вызывающая никаких сомнений. Он выиграл пари.

- Вот и все, мистер Блэдвик, благодарю вас.

- И каков приговор, доктор? - спросил Джим. - Я буду жить?

- Нисколько в этом не сомневаюсь.

Все пациенты очень хотят знать, что он увидел на экране. «Свет мой, зеркальце, скажи...» Но рентгенолог не имеет права высказывать свое мнение и ставить диагнозы.

– Завтра утром ваш лечащий врач получит снимки и поговорит с вами.

«Незавидная судьба тебя ожидает, парень, – подумал доктор Белл. – Вряд ли тебе понравится длительный отдых, молоко и полусырые яйца».

В двухстах ярдах от главного корпуса клиники, в обветшавшем здании бывшей мебельной фабрики, которое ныне служило общежитием для медсестер, студентка Вивьен Лоубартон изо всех сил пыталась справиться с молнией, никак не желавшей застегиваться.

– Чтоб ты сгорела! – Девушка употребила в адрес непослушной молнии любимое выражение отца, зарабатывавшего неплохие деньги лесоруба, который не видел оснований пользоваться разными языками для общения с деревьями в лесу и со своими домашними.

В свои девятнадцать лет натура Вивьен представляла собой нечто среднее между грубоватостью отца из штата Орегон и врожденной деликатностью матери – уроженки Новой Англии. Эта деликатность устояла в схватке с орегонской грубостью. Вивьен училась на медсестру уже четыре месяца, и в ее реакции на медицину уже проявились черты обоих родителей. В одно и то же время она испытывала благоговейный трепет и непреодолимое отвращение. Она понимала, что близкое столкновение со страданиями и болезнями способно потрясти новичка, но это знание не помогало в моменты, когда желудок был готов вывернуться наизнанку и требовалась вся ее воля, чтобы не броситься вон из палаты.

Именно в такие моменты она чувствовала сильнейшую потребность в смене обстановки, в очищающем противоядии. Такое противоядие она в какой-то степени нашла в своей старой любви – в музыке. Удивительно, но город Берлингтон, несмотря на свои малые размеры, располагал превосходным симфоническим оркестром, и, открыв его для себя, Вивьен сделалась его верной почитательницей. Размеренный темп, царивший в мире классической музыки, вселял твердость и придавал уверенность в своих силах. Вивьен очень расстроилась, когда летом концерты прекратились, и почувствовала, что образовавшуюся пустоту необходимо чем-то заполнить.

Но сейчас было не до таких странных мыслей. Перерыв между утренними лекциями и практикой был очень коротким, а тут еще эта проклятая молния!.. Она дернула еще раз, и – ура! – зубчики, как по волшебству, встали на место, молния застегнулась. Вивьен бросилась к двери, но потом остановилась, чтобы вытереть лицо. Боже, какая жара! Как она вспотела от борьбы с молнией!

Так шло это утро в клинике Трех Графств – обычное, ничем не отличавшееся от других. Утро в сестринских, лабораториях, операционных; в отделениях неврологии, психиатрии, педиатрии, дерматологии, ортопедии, офтальмологии, гинекологии и урологии; в отделениях по уходу и в палатах частных пациентов; в администрации, бухгалтерии, отделе закупок и административно-хозяйственной части; в приемных, коридорах, холлах, лифтах. На всех пяти этажах, а также в подвале и полуподвале. Обычное утро с его невидимыми приливами и отливами, с завихрениями человеческих судеб в этом лечебном учреждении.

Было одиннадцать часов утра пятнадцатого июля.

Глава 2

На башне церкви Искупления, расположенной в двух кварталах от клиники Трех Графств, колокол прозвонил одиннадцать часов, когда Кент О’Доннелл шел из хирургического отделения в администрацию. Звук колокола не отличался мелодичностью, сказывался давний изъян, допущенный при отливке. Надтреснутый звон сочился в открытое окно лестничной площадки. О’Доннелл машинально взглянул на часы и посторонился, чтобы пропустить спешащих и громко топающих по металлическим ступеням служебной лестницы интернов – молодых врачей, проходящих в клинике стажировку. Завидев председателя медицинского совета, каждый из интернов замедлял шаг и уважительно здоровался. На втором этаже О’Доннелл отошел в сторону, чтобы пропустить медсестру, везшую коляску с ребенком лет десяти. У девочки был перевязан один глаз. Рядом шла мать, склонившаяся над дочерью, как наседка над цыпленком.

О'Доннелл не узнал сестру, но приветливо ей улыбнулся. Она же, проходя мимо, украдкой окинула его оценивающим взглядом. О'Доннеллу было немного за сорок, и на него все еще оглядывались женщины. Высокий стройный мужчина с мощными квадратными плечами и мускулистыми руками. Он сохранил фигуру и телосложение, которыми отличался в колледже, когда играл полузащитником в студенческой футбольной команде. Даже и теперь он – принимая важные решения – выпрямлялся и расправлял широкие плечи, словно готовясь к захвату ног нападающего команды соперников. Несмотря на мощное сложение, двигался О'Доннелл легко и свободно, а благодаря регулярным занятиям спортом – летом теннис, а зимой лыжи – не имел лишнего жира, сохранял силу и гибкость.

О'Доннелл никогда не был красивым, как Адонис, но в его лице была та угловатая, резкая неправильность (дополненная шрамом на носу, полученным во время игры в футбол), которая, как это ни странно, привлекает женщин больше, чем идеальная красота. Истинный возраст О'Доннелла можно было угадать только по волосам. Еще совсем недавно они были черны как вороново крыло, но теперь начали стремительно седеть, хотя и оставались густыми. Похоже, пигмент сдался годам и ударился в бегство с позиций.

Кто-то окликнул О'Доннелла сзади. Он остановился и, обернувшись, увидел Билла Руфуса, одного из старших хирургов.

– Как дела, Билл?

Руфус всегда нравился О'Доннеллу. Билл был добросовестным, надежным хирургом с богатой практикой. Больные доверяли ему благодаря искренности, сквозившей в каждом его слове. Уважали его и сотрудники – прежде всего интерны и резиденты, которым нравилась способность Руфуса учить младших коллег, не унижая их человеческого достоинства. Билл держался с ними как с равными, и это отличало его от многих других хирургов.

Единственным недостатком Билла, если можно так это назвать, была склонность к ярким, немыслимо пестрым галстукам. О'Доннелл и сейчас внутренне содрогнулся при виде галстука с бирюзовыми кругами и красными червеобразными зигзагами на лиловатом и лимонно-желтом фоне. Из-за своих галстуков Билл постоянно становился объектом насмешек. Один из психиатров недавно предположил, что выбор галстуков говорит о «каком-то гнойном процессе, который прорывается наружу сквозь пристойную консервативную оболочку». Но Руфус в ответ лишь добродушно посмеивался. Сегодня он, однако,

выглядел серьезным и озабоченным.

– Кент, мне надо с тобой поговорить, – сказал он.

– Пойдем ко мне в кабинет, – предложил О’Доннелл. Его охватило любопытство. Руфус был не из тех, кто тревожит руководство по пустякам.

– Нет, мы можем поговорить и здесь, – возразил Руфус. – Знаешь, Кент, речь идет о патологоанатомических заключениях в отношении хирургических больных.

Они отошли к окну, чтобы не мешать идущим по коридору людям, и О’Доннелл подумал, что давно боялся этого вопроса.

– Что ты имеешь в виду, Билл?

– Заключения приходят поздно, с большой задержкой. С очень большой задержкой.

О’Доннелл давно знал об этой проблеме. Как и другие хирурги, Руфус часто оперировал больных с опухолями. После выделения опухоли ее удаляли и направляли на гистологическое исследование доктору Пирсону. Патологоанатом должен был выполнить два исследования доставленной опухоли. Во-первых, в экспресс-лаборатории он должен был исследовать материал опухоли за то время, пока продолжается операция, а больной находится под наркозом. Замороженный кусочек ткани исследовался под микроскопом. В результате этой процедуры патологоанатом давал в отношении опухоли одно из двух заключений – доброкачественная или злокачественная. Если опухоль оказывалась злокачественной, то есть у больного был рак, то операцию продолжали, если же опухоль оказывалась доброкачественной, то операцию заканчивали, а больного отправляли для пробуждения в послеоперационную палату.

– А с экспресс-анализами проблем нет? – спросил О’Доннелл. Он не слышал о таких проблемах, но хотел лишний раз удостовериться.

– Нет, – ответил Руфус. – Если бы они были, до тебя доходила бы масса жалоб. Задерживаются заключения о полном гистологическом исследовании.

– Понимаю, – сказал О’Доннелл, стараясь выиграть время, чтобы обдумать то, что услышал. О’Доннелл восстановил в уме всю процедуру. После исследования замороженного кусочка ткани вся опухоль отправлялась в патологоанатомическую лабораторию, где лаборанты готовили тонкие срезы для полноценного исследования на более совершенном оборудовании.

Патологоанатом, изучив срезы, выдавал свое окончательное заключение. Иногда опухоль, которую при первичном исследовании сочли доброкачественной или сомнительной, оказывалась злокачественной, и в таких случаях больного снова брали в операционную и выполняли необходимую операцию. Такие изменения в заключениях не считались чем-то экстраординарным, но, конечно же, повторные заключения должны быть скорыми. О’Доннелл уже понял, что в этом и состояла суть жалобы Руфуса.

– Если бы это было один раз, – продолжал Руфус, – я не стал бы тебя беспокоить. Я знаю, как тяжело приходится патологоанатомам, и не собираюсь нападать на Джо Пирсона. Но такие случаи не единичны, они происходят сплошь и рядом, Кент.

– Давай обратимся к фактам, Билл, – решительно произнес О’Доннелл, не сомневаясь, однако, что, не имея фактов, Руфус не стал бы обращаться с такой серьезной жалобой.

– Хорошо. На прошлой неделе я оперировал миссис Мэйсон, с опухолью груди. Я удалил опухоль, и после первичного исследования замороженного образца Пирсон выдал заключение о ее доброкачественности. Однако в протоколе для истории болезни было уже сказано, что опухоль злокачественная. – Приведя пример, Руфус добавил: – Но у меня претензии не к этому. При первичном исследовании часто нельзя с полной уверенностью дать окончательное заключение.

– А к чему? – Теперь, когда О’Доннелл окончательно понял, о чем идет речь, хотел как можно скорее решить этот вопрос.

– Пирсону потребовалось восемь дней для того, чтобы дать протокол для истории болезни. К тому моменту, когда я его получил, больная была уже выписана домой.

– Понимаю.

И в самом деле очень плохо, подумал О'Доннелл. От такой проблемы невозможно отмахнуться.

– Это очень нелегко, – продолжал Руфус, – звонить женщине и говорить ей о нашей ошибке. Говорить, что, как выяснилось, у нее все-таки рак и ее надо повторно оперировать.

Да, еще как нелегко. О'Доннелл знал это по собственному опыту. До того как он пришел в клинику Трех Графств, ему самому приходилось делать такие звонки. Не дай бог, чтобы это повторилось.

– Билл, можно я разберусь с этим сам? – О'Доннелл был рад, что к нему обратился именно Руфус. Другие хирурги могли раздуть это дело и усложнить решение.

– Конечно. Только если это приведет к результату. – Руфус имел полное право на возмущение. – Это случай не единичный, просто самый вопиющий.

И снова О'Доннелл мысленно согласился с Руфусом.

– Я поговорю с Джо Пирсоном сегодня же, – пообещал он. – После конференции о летальности в хирургических отделениях. Ты там будешь?

Руфус кивнул:

– Да, я там буду.

– Значит, мы еще увидимся, Билл. Спасибо, что рассказал об этом. Обещаю что-нибудь придумать.

Что-нибудь, думал О'Доннелл, идя по коридору. Но что именно? Он продолжал размышлять на эту тему и тогда, когда пришел в администрацию и открыл дверь кабинета Гарри Томазелли – администратора клиники.

О'Доннелл не сразу увидел Томазелли, и тот сам его окликнул:

– Иди сюда, Кент. – Томазелли стоял в дальнем углу выложенного березовыми панелями кабинета. Перед ним на большом столе лежали развернутые чертежи и эскизы.

О’Доннелл пересек кабинет по толстому ворсистому ковру и посмотрел на разложенное на столе.

– Гредишь наяву, Гарри? – Он ткнул пальцем в один из эскизов: – Знаешь, я уверен, что мы сможем отгрохать тебе фантастический пентхаус вот здесь, в восточном крыле.

Томазелли улыбнулся:

– Я согласен. Осталось только уговорить совет клиники в необходимости пентхауса. – Администратор снял модные, без оправы, очки и принялся тщательно их протирать. – Вот он – наш Новый Иерусалим.

О’Доннелл принялся внимательно изучать архитектуру клиники Трех Графств, какой она станет после возведения величественной пристройки, планирование которой вступило в завершающую стадию. В пристройке будет находиться целое крыло и новое общежитие для медсестер.

– Какие еще новости? – Он отвернулся от чертежей и посмотрел на Томазелли.

Администратор водрузил очки на место.

– Утром я снова говорил с Ордэном.

Ордэн Браун, президент второго по величине сталелитейного завода Берлингтона, был, кроме того, председателем совета директоров клиники.

– И?..

– Он уверен, что к январю мы получим полмиллиона долларов из строительного фонда. Это означает, что фундамент мы сможем заложить уже в марте.

– А еще полмиллиона? На прошлой неделе Ордэн говорил мне, что на них можно рассчитывать только к декабрю следующего года. – О’Доннелл считал надежды председателя совета директоров чересчур оптимистичными.

– Знаю, – сказал Томазелли. – Но он просил передать тебе, что изменил свое мнение. Вчера у него состоялась еще одна встреча с мэром. Он убежден, что очередные полмиллиона мы получим следующим летом, а строительство начнем к осени.

– Это и в самом деле хорошая новость. – О’Доннелл решил умолчать о своих сомнениях. Если Ордэн Браун так заговорил, значит, он на сто процентов уверен в успехе.

– Да, кстати, – сказал Томазелли с наигранной небрежностью в голосе, – на следующую среду назначена встреча Ордэна и мэра с губернатором. Кто знает, не получим ли мы еще и грант штата?

– А что еще? – О’Доннелл обратился к администратору с шутливой резкостью.

– Я думал, что ты будешь доволен и этим, – ответил Томазелли.

На самом деле О’Доннелл был очень доволен. Это было первым шагом к воплощению заветной мечты, которая возникла у О’Доннелла три с половиной года назад, когда он приехал в клинику Трех Графств на работу.

Если бы кто-то сказал О’Доннеллу, когда он учился в Гарварде, или позже, когда был старшим резидентом-хирургом в Колумбийском пресвитерианском медицинском центре в Нью-Йорке, что он закончит свою карьеру в захудалой клинике Трех Графств, он воспринял бы это как насмешку. Даже когда О’Доннелл заканчивал свою хирургическую подготовку в лондонской больнице Святого Варфоломея, он был намерен вернуться в Штаты и работать в какой-нибудь именитой клинике – Джонса Гопкинса в Балтиморе или в Массачусетской генеральной в Бостоне. При его подготовке он вполне мог рассчитывать на такую карьеру. Но до того как настало время принятия окончательного решения, его нашел в Нью-Йорке Ордэн Браун – председатель совета директоров клиники Трех Графств, – который убедил его приехать в Берлингтон и посмотреть клинику.

Увиденное потрясло и ужаснуло О'Доннелла до глубины души. Клиника разрушалась чисто физически, организация была отсталой, медицинские стандарты – за редким исключением – низкими. Заведующие хирургическими и терапевтическими отделениями сидели на своих местах десятилетиями. О'Доннелл понимал, что их цель одна – сохранить благоприятное для себя положение вещей. Администратор клиники – связующее звено между советом директоров и медицинским персоналом – был вопиюще некомпетентен. Программа подготовки интернов и резидентов пользовалась дурной репутацией. На научные исследования не выделялось практически никаких средств. Медицинские сестры жили и работали почти в средневековых условиях. Ордэн Браун без утайки показал ему все. Потом они отправились к председателю совета директоров домой. О'Доннелл согласился остаться на ужин, но решил вернуться в Нью-Йорк первым же ночным рейсом. Ему была отвратительна даже мысль о том, чтобы еще раз побывать в Берлингтоне или в клинике Трех Графств.

За ужином в тихой, увешанной коврами гостиной дома Ордэна Брауна, расположенном на склоне возвышавшегося над Берлингтоном холма, О'Доннелл выслушал до боли знакомую историю. Клиника Трех Графств, некогда прогрессивное, современное и авторитетное в штате медицинское учреждение, стала жертвой самодовольства и апатии. Председателем совета директоров был один престарелый промышленник, он постоянно перекладывал свою ответственность на подставных лиц, а в клинике появлялся только по случаю общественных мероприятий. Отсутствие твердого руководства поразило всю систему сверху донизу. Руководители подразделений занимали свои посты по многу лет и противились любым изменениям. Их более молодые подчиненные вначале проявляли лихорадочную активность, затем впадали в отчаяние и разбегались. В итоге клиника приобрела такую репутацию, что молодые выпускники медицинских факультетов перестали стремиться пополнить ряды ее врачей. Из-за этого администрации пришлось снизить требования к квалификации персонала.

Изменения начались только после того, как новым председателем совета директоров был назначен Ордэн Браун. Прежний, старый промышленник, умер за три месяца до этого. Группа влиятельных горожан убедила Брауна занять освободившееся место. Выбор не был единодушным. У старой гвардии совета директоров был свой кандидат – бессменный член совета Суэйн. Но большинством голосов выбрали все же Брауна, и теперь он пытался убедить остальных членов совета воспринять его идеи относительно модернизации клиники.

Битва оказалась на редкость тяжелой. Возник альянс между консервативными членами совета директоров, представителем которых выступал Юстас Суэйн, и группой медицинских руководителей клиники. Вместе они упрямо противились всяким новшествам.

Брауну приходилось действовать осторожно и дипломатично. Он потребовал для себя полномочий на расширение состава совета директоров, с тем чтобы привлечь в него новых, более активных членов. Их он намеревался набрать из среды молодых руководителей и профессионалов делового мира Берлингтона. Но поскольку среди членов совета не было единодушия, план этот пришлось положить под сукно.

Если бы он захотел, рассказывал Браун О'Доннеллу, то мог бы решить проблему силовым путем, простым волевым решением. Пользуясь своим влиянием, он мог бы вышибить из совета директоров его старых и пассивных членов. Но это было бы недальновидно, потому что большинство из них – состоятельные мужчины и женщины, а клиника нуждалась в наследстве, которое доставалось ей в случае смерти патрона. Если затронуть интересы этих людей, они, вероятно, пересмотрят свои завещания и оставят клинику без средств. На это, впрочем, открыто намекнул и сам Юстас Суэйн, владелец сети универмагов. По этой причине приходится соблюдать осторожность и быть дипломатом.

Однако Брауну все же удалось добиться некоторого прогресса. В частности, он смог убедить членов совета директоров в том, что необходимо назначить нового руководителя хирургической службы клиники. Именно поэтому он и обратился к О'Доннеллу.

Во время ужина О'Доннелл в ответ на сделанное ему предложение отрицательно покачал головой.

– Боюсь, эта должность не для меня, – сказал он.

– Возможно, это и так, – ответил Браун, – но я хочу, чтобы вы меня выслушали до конца.

Он умел убеждать, этот промышленник, который, несмотря на то что был отпрыском богатого семейства, прошел путь от пудлинговщика до руководителя

сталелитейного завода, а затем стал вице-президентом компании. Кроме того, он умел чувствовать и распознавать людей; годы, которые он провел в гуще заводских рабочих, не прошли даром. Именно поэтому он, вероятно, и взвалил на свои плечи это бремя – вытащить из болота клинику Трех Графств. Но каковы бы ни были причины такого решения, за короткое время, что они провели вместе, О’Доннелл почувствовал самоотверженность этого человека.

– Если вы приедете сюда, – сказал Браун в конце ужина, – то я не могу вам ничего обещать. Я мог бы пообещать вам свободу рук, но скорее всего вам придется драться за каждое ваше решение. Вы столкнетесь с оппозицией, сопротивлением, интригами и недовольством. В некоторых вопросах я не смогу ничем вам помочь, и вам придется решать их самостоятельно. – Он помолчал, а потом тихо добавил: – Думаю, что единственная хорошая вещь, которую можно сказать об этой ситуации, заключается – с точки зрения такого человека, как вы, – в том, что это вызов, вероятно, самый большой вызов, который вам когда-либо предлагалось принять.

Больше о клинике Браун в тот вечер не напоминал. Они стали беседовать о других вещах – о Европе, приближавшихся выборах и возрождении национализма на Ближнем Востоке. Хозяин дома много ездил по миру и был хорошо информирован о международном положении. Потом он отвез О’Доннелла в аэропорт, и у трапа они крепко пожали друг другу руки.

– Я был очень рад нашему знакомству, – сказал Браун, и О’Доннелл искренне ответил ему тем же. Потом он сел в самолет с твердым намерением забыть о Берлингтоне и вспоминать поездку туда только как поучительный опыт.

В полете он пытался читать журнал – в нем оказалась заинтересовавшая его статья о теннисном чемпионате, но смысл прочитанного ускользал от него. Он продолжал неотступно думать о клинике Трех Графств, о том, что там увидел и что надо было бы сделать. А затем, наверное, впервые в жизни, О’Доннелл задумался о своем собственном отношении к медицине и начал задавать себе вопросы: «Что она для меня значит? Чего я хочу достичь в ней для себя? Каких достижений ищу? Что я могу ей дать? Что оставлю после себя?» Он не был женат и, вероятно, никогда уже не женится. В его жизни были любовные связи, но не было постоянных прочных любовных отношений. Куда ведет его путь от Гарварда и колумбийского Пресвитерианского госпиталя, больницы Святого Варфоломея?.. Куда? Ответ пришел внезапно. Он осознал, что путь этот ведет в Берлингтон, в клинику Трех Графств. Решение было твердым, необратимым и

окончательным. После того как самолет приземлился в Нью-Йорке, О'Доннелл отправил Брауну телеграмму с одной фразой: «Я принимаю предложение».

Теперь, глядя на план здания, которое администратор напыщенно именовал Новым Иерусалимом, О'Доннелл вспомнил оставшиеся за плечами три с половиной года. Ордэн Браун был прав, когда говорил, что О'Доннеллу придется нелегко. Ему пришлось столкнуться со всеми препятствиями, о которых упоминал председатель совета директоров. Но теперь самые трудные из них были преодолены.

После приезда О'Доннелла прежний шеф хирургической службы тихо ушел в отставку. О'Доннелл привлек на свою сторону работавших в клинике хирургов, сочувствовавших идее о повышении стандартов оказания хирургической помощи. Вместе они ужесточили правила, а для их соблюдения учредили комитет надзора за операционными. Была возобновлена работа комитета, следившего за тем, чтобы хирурги не повторяли ошибок, в результате которых пациентам подчас удаляли здоровые ткани и органы.

Не слишком компетентных хирургов вежливо, но твердо заставили работать в пределах их способностей. Некоторым неумелым халтурщикам, способным лишь на удаление аппендикса, О'Доннелл предложил уйти добровольно и тихо, пригрозив в противном случае административным увольнением. Среди них был один хирург, который удалил больному единственную почку, не выяснив, что вторая уже была удалена. Эту страшную ошибку обнаружили только при вскрытии. Этого хирурга убрать из клиники было легко. С другими дело обстояло намного хуже. В медицинском совете был большой скандал, а два хирурга, ранее состоявшие в штате клиники, подали в суд на ее администрацию. О'Доннелл понимал, что в суде ему придется выдержать сильный натиск, не говоря уже о том, что причины увольнений будут преданы широкой огласке.

Но, преодолевая эти проблемы, О'Доннелл и поддержавшие его сотрудники продолжали идти намеченным путем, заполняя образовавшиеся вакансии квалифицированными врачами. Многие из них были выпускниками альма-матер О'Доннелла, и он убедил их переехать на работу в Берлингтон.

Тем временем сменился и главный терапевт клиники – им стал доктор Чендлер. Он работал терапевтом в клинике и при старом режиме, но часто выступал против методов работы тогдашней администрации. Чендлер часто не соглашался и с О'Доннеллом, а О'Доннелл находил его чересчур высокопарным,

однако Чендлер, когда речь шла о поддержании высоких стандартов оказания помощи, был всегда бескомпромиссным.

За три с половиной года пребывания О'Доннелла в клинике изменились и методы руководства. Через несколько месяцев после своего приезда в Берлингтон О'Доннелл рассказал Ордэну Брауну об одном помощнике администратора клиники, лучшем из всех, с кем ему приходилось встречаться. Председатель совета директоров немедленно сел в самолет, а через два дня вернулся с подписанным контрактом. Через месяц после того, как с почетом проводили на пенсию прежнего администратора, давно переставшего справляться со своими обязанностями, его место занял Гарри Томазелли. Прошедшее время в полной мере показало эффективность его порой резкого, но умелого руководства.

Год назад О'Доннелл был избран председателем медицинского совета, что сделало его главным врачом клиники. С этого момента он, Томазелли и доктор Чендлер приступили к совершенствованию программ обучения интернов и резидентов. Работа принесла свои плоды. За год число заявок на прохождение интернатуры и резидентуры в клинике возросло.

Впереди был долгий и трудный путь. О'Доннелл понимал, что это только начало выполнения обширной программы, которая затронет все три главные области медицины – лечение, обучение и научные исследования. Ему сейчас сорок два, через несколько месяцев исполнится сорок три. Сомнительно, что за оставшиеся ему годы активной жизни он успеет исполнить задуманное. Но старт был удачным, он обнадеживал и вселял уверенность, и О'Доннелл понимал, что решение, принятое три с половиной года назад в самолете, было верным.

В клинике оставались, однако, и слабые места. Собственно, так и должно быть. Ничто великое не достигается легко или быстро. Некоторые старшие коллеги до сих пор противились новшествам и оказывали сильное влияние на давних членов совета директоров, во главе которых стоял сохранивший все свое упрямство Юстас Суэйн. Возможно, это было даже к лучшему, думал О'Доннелл, возможно, справедливо утверждение о том, что молодые люди хотят изменить все и сразу. Однако из-за этой группы ретроградов необходимые решения приходилось зачастую принимать не сразу и очень осмотрительно. Сам О'Доннелл принимал это как неизбежный факт, но ему было трудно убедить в своей правоте новых сотрудников.

Именно это обстоятельство заставило его со всей серьезностью отнестись к жалобе Билла Руфуса. Отделение патологической анатомии было настоящим оплотом старого режима. Доктор Джозеф Пирсон, руководивший отделением, как собственной вотчиной, работал в клинике тридцать два года. Он лично и близко знал всех старых членов совета директоров и часто играл с Юстасом Суэйном в шахматы. К слову сказать, Джо Пирсон был квалифицированным и компетентным специалистом: его заключения были безупречны. В молодости он успешно занимался наукой, а потом какое-то время был президентом Ассоциации патологоанатомов штата. Проблема заключалась в том, что работы в отделении стало так много, что она была уже не под силу одному человеку. Кроме того, О'Доннелл подозревал, что многие методы работы в нем устарели и нуждаются в усовершенствовании. Но любых изменений в отделении, как бы желательны они ни были, добиться будет очень сложно.

К тому же надо принять во внимание необходимость привлечения средств для планируемого расширения клиники. Если у него возникнут трения с патологоанатомом, то не скажется ли влияние Пирсона на планах Ордэна Брауна собрать необходимые деньги к осени? Пожертвования Юстаса Суэйна обычно очень велики, и, если он их не сделает, это будет серьезная потеря. Да еще надо учесть влияние Суэйна на других состоятельных граждан города: старый прожженный воротила мог поддержать или утопить все планы новой администрации.

Имея на руках столько проблем, О'Доннелл решил, что проблемы патологоанатомической службы могут подождать. Тем не менее надо каким-то образом отреагировать на жалобу Билла Руфуса.

О'Доннелл оторвался от чертежей и поднял голову.

– Гарри, – сказал он администратору, – кажется, у нас будет война с Джо Пирсоном.

Глава 3

На верхних этажах клиники царили суета и жара. Здесь же, в выложенных белой плиткой коридорах подвала, было тихо и прохладно. Эту тишину не нарушала

даже маленькая процессия – медсестра Пенфилд, идущая рядом с бесшумно катившейся на хорошо смазанных подшипниках каталкой, которую направлял санитар в резиновых тапочках, видневшихся из-под белых форменных брюк.

Сколько раз она совершала уже это печальное путешествие, думала сестра Пенфилд, глядя на прикрытое простыней тело на каталке. За последние одиннадцать лет раз пятьдесят. Может быть, и больше. Кто же ведет счет таким событиям – последним путешествиям из отделений в морг, из мира живых в царство мертвых?

Это была традиция. Последний поход с больным, запланированный на самое тихое время и совершавшийся по задним коридорам, а затем на грузовом лифте в подвал – так, чтобы никто из живых не расстроился и не впал в депрессию из-за близкого столкновения со смертью. Последняя процедура, которую медсестра выполняла для своего подопечного, подтверждение того, что медицина, хотя и оказалась бессильной в этом случае, все же не сбрасывает умершего со счетов сразу, забота о нем продолжается даже после смерти.

В одном месте белый коридор разветвлялся на два. Справа доносился шум машин. Там находились технические службы – отопление, система подачи горячей воды, распределительные электрические щиты, аварийные генераторы. Верный путь указывала единственная табличка со стрелкой: «Отделение патологической анатомии. Морг».

Когда Вейдман, санитар, везший каталку, вкатил ее в левый коридор, какой-то сторож – то ли у него был перерыв, то ли он просто отлынивал от работы – оторвал от губ бутылку кока-колы, посторонился, вытер губы и ткнул пальцем в сторону прикрытого трупа:

– Это не твоя работа, а?

Замечание относилось к Вейдману. Это была дружеская подначка, повторявшаяся изо дня в день игра.

Вейдман тоже не был в этой игре новичком.

– Думаю, ему просто достался несчастливый билет, Джек.

Сторож кивнул, снова прижал к губам горлышко бутылки и сделал очередной глоток.

Какой краткий срок отделяет жизнь от прозекторской, подумала сестра Пенфилд. Всего лишь какой-то час назад это тело под простыней было Джорджем Эндрю Дантоном, живым человеком пятидесяти трех лет, инженером. Она знала все эти подробности из истории болезни, которую держала сейчас под мышкой.

Семья после смерти вела себя точно так же, как и до нее, – солидно, эмоционально, но без истерик, и это облегчило задачу доктора Макмагона попросить разрешение на вскрытие.

– Миссис Дантон, – негромко сказал он, – я понимаю, что в такой момент вам тяжело говорить и думать об этом, но есть кое-что, о чем я хотел бы вас попросить. Речь идет о разрешении на вскрытие тела вашего мужа.

Он продолжал говорить, употребляя невыразительные слова о том, что клиника неуклонно повышает требования к лечению во благо всех больных, что вскрытие позволяет подтвердить врачебный диагноз и извлечь уроки, а значит, улучшить качество помощи для тех, кто обратится за ней в будущем. Но все это возможно только при получении разрешения семьи.

Сын умершего остановил врача и вежливо сказал:

– Мы все понимаем. Мама подпишет бумаги.

Сестра Пенфилд подготовила нужный документ, и вот теперь труп больного Джорджа Эндрю Дантона, пятидесяти трех лет, готов к патологоанатомическому исследованию.

Двери прозекторской открылись.

Когда в помещение ввезли каталку с телом, Джордж Ринни, санитар морга, черный как смоль, поднял голову. Он в это время протирал прозекторский стол.

Вейдман приветствовал Ринни бородатой остротой:

- Принимайте больного на лечение.

Вежливо, как будто он не слышал эту остроту в сотый раз, Ринни обнажил в дежурной улыбке белоснежные зубы и указал на стол:

- Сюда.

Вейдман развернул каталку, установив ее у края стола. Ринни сдернул простыню с обнаженного тела Джорджа Эндрю Дантона и, аккуратно свернув, отдал ее Вейдману. Смерть смертью, но простыню надо вернуть в отделение. С помощью второй простыни, на которой лежало тело, мужчины перетянули его на стол.

Джордж Ринни сделал эту работу с кряхтением. Покойник был не меньше шести футов роста и к концу жизни сильно прибавил в весе.

Откатив каталку от стола, Вейдман осклабился:

- Стареешь, Джордж. Видать, скоро твоя очередь.

Ринни покачал головой:

- Ничего, я еще и тебя перегружу на стол.

Сцена разыгрывалась как по нотам. Было видно, что актеры репетировали ее сотни раз. Наверное, давным-давно эти двое начали прибегать к своим мрачным шуткам, чтобы инстинктивно отгородиться от смерти, с которой им приходилось жить и сосуществовать в близком соседстве. Но изначальная цель была уже давно и прочно забыта. Теперь это был просто ритуал, развлекающая их игра – и ничего больше. Они слишком привыкли к смерти, чтобы испытывать неловкость или страх.

В дальнем конце прозекторской стоял доктор Макнил – специализирующийся в патологической анатомии резидент. Он надевал халат, когда в прозекторскую вошла сестра Пенфилд со своим грузом. Просматривая историю болезни и сопроводительные документы, которые вручила ему медсестра, Роджер Макнил остро чувствовал ее близость и исходящее от нее тепло. Он почти физически ощущал прохладу хрустящей накрахмаленной формы, мягкость и шелковистость

выбившихся из-под шапочки волос.

– Кажется, все на месте.

Приударить ему за сестрой Пенфилд или нет? Прошло уже шесть недель его вынужденного воздержания, а в двадцать семь лет это очень большой срок. Пенфилд была очень привлекательной женщиной, ей, наверное, года тридцать два. Она еще достаточно молода, но уже достаточно опытна – не будет строить из себя девичью невинность. Она интеллигентна и приветлива, и, кроме того, у нее отличная фигура. Под белой формой четко вырисовывались трусики. В такую жару на ней, наверное, больше ничего нет. Доктор Макнил задумался. Ее придется пару раз куда-нибудь пригласить, прежде чем дойдет до дела. Значит, в этом месяце ничего не получится – на это у него просто не хватит оставшихся денег. «Храни себя для меня, о Пенфилд! Больные будут умирать и приводить тебя ко мне».

– Спасибо, доктор. – Она улыбнулась и, повернувшись, направилась к выходу.

«Я ее уломаю», – подумал Макнил и крикнул вслед:

– Привозите почаще! Нам нужна практика.

Еще одна избитая шутка, защитная реакция перед лицом смерти.

Элен Пенфилд вышла из прозекторской вслед за санитаром. Традиция соблюдена, уважение покойнику оказано. Теперь скорее назад, к страдающим живым. Медсестра улыбнулась. У нее было ощущение, что доктор Макнил хотел ей что-то предложить. Но это в следующий раз.

Пока Джордж Ринни подсовывал деревянный подголовник под шею умершего, доктор Макнил разложил на столе инструменты, которые понадобятся при вскрытии. Ножи, ножницы для ребер, щипцы, электрическая фреза для вскрытия черепа... Все это чисто вымыто – Ринни был добросовестным работником, но не безупречным, каким был инструментарий в хирургической операционной четырем этажами выше. Пациентам, попавшим на этот стол, не страшна никакая инфекция, в предосторожностях нуждаются только патологоанатомы.

Джордж Ринни вопросительно взглянул на Роджера Макнила, и резидент сказал:

– Позвоните в сестринский отдел, Джордж, пусть студентки спускаются в прозекторскую. И сообщите доктору Пирсону, что мы готовы.

– Хорошо, доктор. – Ринни послушно вышел. Резидент отделения патологической анатомии Макнил уже пользовался авторитетом, несмотря на то что его зарплата была немногим выше зарплаты санитаря. Но еще немного, и эта разница значительно увеличится. Прошло уже три с половиной года резидентуры. Еще полгода, и он по праву станет штатным патологоанатомом. Тогда он сможет рассчитывать на зарплату в двадцать тысяч долларов в год, так как, к счастью, спрос на патологоанатомов значительно превышает предложение. Тогда не придется думать, стоит ли ухаживать за сестрой Пенфилд или еще за кем-то.

Роджер Макнил мысленно улыбнулся, ни одним мускулом не выдав этой улыбки. Люди, имевшие с ним дело, считали его строгим и суровым и были правы, а иногда думали, что у него нет чувства юмора, но здесь они ошибались. Действительно, ему было трудно заводить друзей среди мужчин, но женщины находили его очень привлекательным. Этот факт он обнаружил очень рано и использовал к своей выгоде. Когда он был интерном, коллеги находили это необъяснимым. Мрачный, угрюмый Макнил отличался невероятной, сверхъестественной способностью укладывать в постель молоденьких медсестер, об которых обламывали зубы самые завзятые ловеласы.

Дверь прозекторской распахнулась, и в помещение влетел Майк Седдонс. Седдонс был резидентом в хирургическом отделении, временно откомандированным в отделение патологической анатомии. Он всегда летал. Рыжие вихры на его голове торчали в самых неожиданных местах – было такое впечатление, что голову Седдонса постоянно обдувал какой-то невидимый ветер, не дававший волосам спокойно лежать на месте. Мальчишеское лицо его не покидала дружелюбная улыбка. Макнил считал Седдонса эксгибиционистом, но все же неплохо к нему относился, так как Седдонс пришел в отделение патологической анатомии с большей охотой, нежели другие резиденты-хирурги.

Седдонс окинул взглядом лежавшее на столе тело:

– Вот и работа для нас!

Макнил жестом указал на историю болезни и другие документы, и Седдонс, взяв их в руки, спросил:

– Отчего он умер? – и, раскрыв историю болезни, добавил: – От ишемической болезни сердца, да?

– Во всяком случае, там так написано, – ответил Макнил.

– Ты будешь вскрывать?

Макнил отрицательно покачал головой:

– Вскрывать будет Пирсон.

Седдонс удивленно посмотрел на коллегу:

– Сам босс? В этом случае есть что-то особенное?

– Ничего особенного. – С этими словами Макнил прикрепил четырехстраничный бланк вскрытия к картонному планшету. – Придут студентки-медсестры. Думаю, Пирсон хочет произвести на них впечатление.

– Групповое представление! – Седдонс улыбнулся: – Я хочу его посмотреть.

– В таком случае тебе тоже придется поработать. – Макнил протянул Седдонсу планшет: – Заполни часть пунктов.

– Давай. – Седдонс с готовностью взял бланк и начал заполнять пункты внешнего осмотра тела. Занося нужные сведения, он негромко говорил сам с собой: – Шрам после аппендэктомии. Небольшая родинка на левом плече. – Он отвел руку осматриваемого в сторону. – Прости, старик. – И сделал очередную запись: – Небольшое трупное окоченение. – Приподнял веки: – Зрачки круглые, диаметром ноль целых три десятых сантиметра. – С трудом раздвинул челюсти: – Посмотрим на зубы.

Из коридора слышался шум шагов. Потом дверь приоткрылась, и в щель заглянула медсестра, в которой Макнил узнал заведующую учебной частью

медсестринского отделения.

– Здравствуйте, доктор Макнил, – сказала она. За ее плечом стояли студентки школы медсестер.

– Здравствуйте. – Резидент поманил их рукой: – Можете заходить. Смелее.

Студентки, одна за другой, вошли в прозекторскую. Их было шесть. Войдя, все они нервно посмотрели на лежавшее на столе тело.

Майк Седдонс улыбнулся:

– Поторопитесь, девочки. Занимайте лучшие места.

Седдонс окинул группу оценивающим взглядом. Среди девушек были две новенькие, которых он раньше не видел, из них одна – очень красивая брюнетка. Он еще раз посмотрел на нее. Даже спартанская медицинская форма не могла скрыть изумительную фигуру. Седдонс непринужденно прошелся по прозекторской и как бы невзначай встал между приглянувшейся ему девушкой и остальными студентками. Одарив ее широкой улыбкой, он тихо сказал:

– Кажется, я вас раньше не видел.

– Я здесь уже давно, столько же, сколько и другие девушки. – Она посмотрела на Седдонса с искренним любопытством и шутливо добавила: – Кроме того, мне говорили, что врачи вообще не замечают студенток первого курса.

Седдонс сделал вид, что задумался.

– Пожалуй, это действительно так, но иногда мы делаем исключение. – Глаза молодого врача заискрились честным и неподдельным восхищением. – Для выдающихся студенток. Между прочим, меня зовут Майк Седдонс.

– А меня Вивьен Лоубартон, – сказала брюнетка и рассмеялась, но, поймав укоризненный взгляд преподавательницы, сразу умолкла. Вивьен понравился этот молодой рыжий доктор, но разговоры и шутки в прозекторской показались ей неуместными. В конце концов, человек, лежавший на столе, был мертв.

Наверху им сказали, что он только что умер; по этой причине студенток освободили от работы и послали смотреть вскрытие. Слово «вскрытие» вернуло Вивьен к тому, что сейчас будет здесь происходить. Интересно, как она отреагирует на это зрелище? Она и сейчас уже испытывает смятение. Она понимала: как медсестре ей придется не раз сталкиваться со смертью, но пока это было внове и предстоящее сильно ее пугало.

В коридоре раздались шаги. Седдонс коснулся руки Вивьен и прошептал:

– Мы с вами потом поговорим.

Дверь прозекторской распахнулась, и студентки почтительно расступились, давая дорогу вошедшему доктору Пирсону. Он сухо поздоровался, не ожидая ответных приветствий, подошел к своему шкафчику, снял белый халат, взял рабочий, сунул руки в рукава и сделал знак Седдонсу. Молодой врач подошел и завязал на спине Пирсона завязки. Затем они двое, как вымуштрованные солдаты, повернулись и пошли к умывальнику. Седдонс высыпал немного моющего порошка на руки патологоанатома, а после того, как тот помылся, помог ему надеть резиновые перчатки. Все это Седдонс и Пирсон проделали в полной тишине. Потом старик сдвинул сигару в угол рта и бросил молодому коллеге:

– Спасибо.

Пирсон подошел к столу, взял у Макнила бланк протокола и принялся читать сделанные в нем записи, полностью погрузившись в чтение. Пока Пирсон не обращал ни малейшего внимания на лежавшее перед ним тело умершего. Наблюдая происходящее, доктор Седдонс вдруг понял, на что похоже это действие: оно напоминало появление дирижера перед оркестром – не хватало только аплодисментов.

Перелистав историю болезни, Пирсон тоже осмотрел тело, сверяя увиденное с записями Седдонса. Положив на письменный стол протокол, он сдвинул сигару в другой угол рта и оглядел группу девушек.

– Я полагаю, что это первое в вашей жизни вскрытие.

Будущие сестры дружно закивали: «Да, сэр», «Да, доктор».

Пирсон удовлетворенно наклонил голову:

– На это я скажу, что меня зовут доктор Пирсон и я являюсь патологоанатомом этой клиники. Эти два джентльмена – доктор Макнил, резидент отделения патологической анатомии, и доктор Седдонс, резидент-хирург третьего года... – Он повернулся к Седдонсу: – Я прав?

Седдонс широко улыбнулся:

– Вы совершенно правы, доктор Пирсон.

Пирсон продолжил:

– Резидент третьего года, который оказал нам любезность и пришел поработать в патологическую анатомию. – Он посмотрел на Седдонса: – Скоро доктор Седдонс станет полноправным хирургом, выпущенным на ничего не подозревающую публику.

Две девушки хихикнули, другие улыбнулись. Доктор Седдонс тоже улыбался, ему нравилась такая манера общения. Пирсон никогда не упускал возможности подковырнуть хирургов и хирургию, и не без оснований. За сорок лет работы в патологической анатомии он насмотрелся на ляпсусы хирургов. Седдонс покосился на Макнила. Резидент-патологоанатом мрачно нахмурился. Он такого не одобряет, подумалось Седдонсу. Роджер любит патологическую анатомию прямо, искренне и без обиняков. Но Пирсон еще не закончил свою речь.

– О патологоанатомах часто говорят, что это врачи, которых пациенты видят чрезвычайно редко. Но очень немногие отделения клиники могут похвастать, что они приносят больным такую же пользу, как наше отделение.

Сейчас будет апофеоз, подумал Седдонс и оказался прав.

– Именно патологоанатомы исследуют кровь пациента, его экскременты, прослеживают течение его болезни, определяют, доброкачественная или злокачественная у него опухоль. Патологоанатом дает врачам необходимые советы, а иногда, когда пасует врачебное искусство, – Пирсон сделал паузу и выразительно посмотрел на тело Джорджа Эндрю Дантона, – именно

патологоанатом ставит окончательный диагноз.

Пирсон снова выдержал паузу. Старик – выдающийся актер, подумал Седдонс. Как он умеет производить нужный эффект!

Пирсон, как указкой, взмахнул своей сигарой.

– Хочу обратить ваше внимание, – обратился он к студенткам, – на слова, которые вы увидите на стенах многих прозекторских.

Девушки посмотрели в указанном им направлении и увидели табличку с заключенными в золоченую рамку словами «Mortui vivos docent».

Пирсон прочел изречение по-латыни, а затем перевел:

– Мертвые учат живых. – Он снова взглянул на труп: – Именно это сейчас и произойдет. Этот человек, вероятно, – он подчеркнул слово «вероятно», – умер от коронарного тромбоза. Вскрытие покажет, так ли это.

После этого Пирсон глубоко затянулся, и Седдонс, зная, что произойдет дальше, подошел к Пирсону. Он понимал, что в этом театре он всего лишь статист, но ни в коем случае не желал пропустить свой выход. Выпустив изо рта клуб синеватого дыма, Пирсон отдал сигару Седдонсу, а он положил ее в пепельницу на письменном столе.

Пирсон осмотрел разложенные перед ним инструменты и выбрал нож. Примерившись, он сделал быстрый, чистый и глубокий разрез острым как бритва лезвием.

Макнил исподволь наблюдал, как отреагируют на это действие студентки. Он считал, что на вскрытие нельзя пускать слабонервных, ведь даже искушенным людям зачастую неприятно видеть первый разрез. До этого момента лежащее на столе тело сохраняет хотя бы видимое сходство с живым человеком. Но после разреза эта иллюзия становится решительно невозможной. Мужчина, женщина, ребенок исчезают, остаются лишь плоть и кости, напоминающие о жизни, но не живые. Это последняя истина, конец, ожидающий всех и каждого. Так исполняются слова Ветхого Завета: «Прах еси и возвратишься в прах».

Пирсон с демонстрирующей многолетний опыт сноровкой сделал глубокий Y-образный разрез. Тремя движениями ножа он рассек кожу сначала от каждого плеча до середины основания груди, а затем добавил срединный разрез, рассекавший живот от груди до гениталий. Нож двигался, со свистом и шорохом обнажая желтый подкожный жир.

Взглянув на студенток, Макнил заметил, что две из них смертельно побледнели, третья, тяжело дыша, отвернулась, а остальные продолжали стоически смотреть. Резидент внимательно посмотрел на побледневших девушек. Нередко бывало, что практикантки падали в обморок чуть ли не в начале первого для них вскрытия. Но кажется, с этими шестью девушками все будет в порядке. У тех двоих цвет лица стал нормальным, а третья девушка снова повернулась к столу, хотя и прижимая ко рту носовой платок.

– Если кому-нибудь надо выйти на несколько минут, не стесняйтесь. Первое вскрытие – это всегда тяжело, – сказал Макнил.

Девушки благодарно посмотрели на него, но ни одна не сдвинулась с места. Макнил знал, что некоторые патологоанатомы не пускают будущих сестер на вскрытие до тех пор, пока не сделают разрез кожи. Но Пирсон считал, что будущих медиков не следует щадить, они должны видеть все с самого начала и до конца, и в этом Макнил был согласен со стариком. Сестрам приходится видеть много страшных вещей – язвы, раздавленные конечности, нагноения, хирургические манипуляции, – и чем скорее они привыкнут к виду и запаху медицины, тем лучше для всех и прежде всего для них самих.

Макнил надел резиновые перчатки и присоединился к Пирсону. К этому моменту старый патологоанатом быстрыми движениями отделил грудной лоскут и, действуя большим ножом, обнажил ребра. Затем рассек ребра рычажным резак и, удалив грудину, открыл перикард и легкие. Перчатки, инструменты и стол окрасились кровью.

Седдонс, надев перчатки, откинул вниз нижние лоскуты кожи и вскрыл живот. Он удалил из живота желудок и кишечник и после беглого осмотра положил их в ведро. По прозекторской начал распространяться неприятный запах. Теперь Пирсон и Седдонс принялись перевязывать и отсекают крупные артерии, чтобы у сотрудников похоронного бюро не возникло проблем с бальзамированием. Сняв с крючка тонкий шланг с душем, Седдонс вымыл кровь, скопившуюся в животе, а потом, по кивку Пирсона, сделал то же самое с грудной полостью.

Тем временем Макнил занялся головой. Для начала он сделал глубокий поперечный разрез через макушку до обеих ушей, не выходя за границы волосистой части, – чтобы разрез не был виден во время похорон, а потом пальцами отслоил кожный лоскут от поверхности черепа и фартуком положил его на лицо, прикрыв глаза. Теперь, когда костный череп был открыт, Макнил взял портативную фрезу, уже включенную в сеть, и, прежде чем нажать кнопку, опять взглянул на студенток. Они следили за его действиями со смешанным чувством недоверия и страха. Спокойно, девочки, подумал Макнил, через пару минут вы все увидите.

Пирсон извлекал из грудной полости сердце и легкие, когда Макнил включил фрезу и приложил ее к своду черепа. По прозекторской разнесся жуткий вибрирующий и звенящий звук металлических зубьев, вгрызающихся в костную ткань. Макнил поднял голову и увидел, что студентка с платком вздрогнула. Нехорошо, если сейчас ее начнет рвать, подумал он. Лучше, если успеет выйти. Он продолжал пилить кость до полного отделения свода, а потом отложил фрезу в сторону. Джордж Ринни отмоет ее от крови и осколков, когда будет мыть все инструменты. Макнил аккуратно снял крышку черепа, обнажив покрывающую мозг мягкую оболочку, и снова посмотрел на будущих сестер. Держались они хорошо. Если вынесут это зрелище, то вынесут все.

Удалив свод черепа, Макнил ножницами вскрыл крупную вену – верхний сагиттальный синус. По ножницам и пальцам потекла темная кровь. Кровь жидкая, отметил про себя Макнил, нет никаких признаков венозного тромбоза. Осмотрев мозговую оболочку, он отделил ее от подлежащих тканей и открыл собственно головной мозг. Ножом Макнил отделил головной мозг от спинного, извлек его из полости черепа и осторожно уложил в большую стеклянную емкость с формалином, которую поднес ему Седдонс.

Наблюдая за Макнилом, следя за его руками, Седдонс старался понять, что сейчас происходит в голове резидента-патологоанатома. Они были знакомы с Макнилом два года. Сначала Седдонс знал его просто как старшего товарища по резидентуре, а потом, когда его на несколько месяцев направили в отделение патологической анатомии, познакомился с ним ближе. Патологическая анатомия интересовала Седдонса, но все же он был рад, что она не является его основной специальностью. Он никогда не жалел о том, что выбрал для себя хирургию, и с нетерпением ждал, когда пройдет еще пара недель и он сможет вернуться в свое отделение. В противоположность царившему в прозекторской морга клиники духу смерти в операционной была территория жизни. После операции

он испытывал чувство свершения, чего в этом месте не было. Каждому свое, подумал он, патологическая анатомия – для патологоанатомов.

У патологической анатомии была еще одна особенность. Здесь можно потерять чувство реальности, забыть о том, что медицина создана людьми ради людей. Вот, например, этот мозг... Седдонс внезапно и с необычайной остротой осознал, что всего несколько часов назад это был мыслительный центр определенного человека, координатор его чувств – тактильных, обонятельных, зрительных, вкусовых. В нем рождались мысли, он знал любовь, страх, торжество. Вчера, а возможно, даже сегодня он приказывал глазам плакать, а рту пускать слюну. Умерший был инженером. Значит, его мозг знал математику, сопромат, разрабатывал конструкции, может быть, строил дома, дороги, церкви. Наследием этого мозга продолжают пользоваться живые люди. Но что он теперь? Масса ткани, лежащая в формалине, которую сначала рассекут на срезы, исследуют под микроскопом, а потом сожгут в печке.

Седдонс не верил в Бога и не мог понять, как могут верить в него образованные люди. Чем более развитыми становились знание, наука, мышление, тем неуместнее казалась религия. Но Седдонс верил в то, что за неимением лучшего можно было назвать искрой человечности, кредом индивидуума. Как хирург он, конечно, не всегда будет иметь дело с индивидуальностями, не всегда будет знать своих больных, а даже если и будет, то перестанет воспринимать их индивидуальности, сосредоточившись на хирургической технике во время операции. Но Седдонс уже давно дал себе клятву – никогда не забывать о том, что за всякой техникой стоит больной, то есть человеческая индивидуальность, неповторимая личность. Учась на медицинском факультете, Седдонс видел, как другие студенты постепенно заворачиваются в кокон самоизоляции, отчуждения от больных. Иногда это была защитная мера, целенаправленный отказ от личностных эмоций и чувства вовлеченности. Седдонс же ощущал в себе достаточно сил для того, чтобы избежать такой отчужденности, но на всякий случай заставлял себя думать об этом и разговаривать с собой, что удивило бы многих его друзей, считавших его поверхностным экстравертом. Хотя, кто знает, может быть, они не удивились бы; разум, мозг, как бы его ни называли, – такая непредсказуемая машина.

А вот что можно сказать о Макниле? Чувствует ли он что-нибудь? Седдонс не знал этого, но подозревал, что его душа тоже окружена непробиваемой броней. А Пирсон? С ним сомнений не было. Джо Пирсон все время оставался холодным клиницистом. Несмотря на все его актерство, годы работы сделали его черствым

циником. Седдонс посмотрел на старика, который выделил сердце и внимательно его рассматривал.

В это время Пирсон поднял голову и посмотрел на студенток:

– Из истории болезни этого человека нам известно, что три года назад он перенес инфаркт миокарда. Вторым инфарктом он перенес в начале этой недели. Итак, сначала мы исследуем коронарные артерии. – Под внимательными взглядами будущих сестер Пирсон принялся осторожно вскрывать артерии сердечной мышцы. – Где-то здесь мы обнаружим область тромбоза... Да, вот она. – Он ткнул металлический зонд в нужное место. Обнаружив в главной ветви левой коронарной артерии, в дюйме от места ее отхождения, бледный тромб длиной около половины дюйма, он извлек его и поднял, чтобы девушки могли его увидеть. – Теперь мы исследуем само сердце, – сказал Пирсон, положил сердце на стол и рассек его центральным продольным разрезом.

Положив рядом обе половины, старый патологоанатом внимательно их рассмотрел, а потом поманил к себе студенток. Те нерешительно подошли.

– Вы видите область рубцевания сердечной мышцы? – Пирсон показал девушкам, склонившимся над разверстым сердцем, беловатые фиброзные полоски в толще миокарда. – Это признак перенесенного три года назад инфаркта – старого и зажившего.

Пирсон сделал паузу, затем продолжил:

– Здесь, в левом желудочке, мы видим также признаки свежего инфаркта. Обратите внимание на бледную зону в центре очага кровоизлияния. – Он указал на темно-красное пятно с беловатым центром, контрастно выделявшееся на фоне яркокрасной ткани остального миокарда, а затем обернулся к резиденту-хирургу: – Вы согласны, доктор Седдонс, что диагноз коронарного тромбоза, ставшего причиной смерти, установлен верно?

– Да, согласен, – вежливо ответил Седдонс. В этом просто нет никаких сомнений, подумал он. Какой маленький сгусток, словно кусочек спагетти! И такого пустяка хватило на то, чтобы лишить человека жизни! Он посмотрел на пожилого патологоанатома, который отложил сердце в сторону.

Вивьен тем временем окончательно взяла себя в руки. Во всяком случае, так ей казалось. В самом начале, особенно когда зубья фрезы вгрызлись в череп, кровь отхлынула от ее головы. Она была тогда близка к обмороку, но невероятным усилием воли сумела его избежать. По непонятной причине она вдруг вспомнила эпизод из своего раннего детства. Дело было в выходной день в орегонском лесу. Отец тогда упал на раскрытый нож и сильно поранил ногу. Удивительно, но этот сильный мужчина вдруг обмяк и едва не заплакал при виде собственной крови. Зато мама, которая больше привыкла к кухне, чем к лесу, внезапно проявила свою выдержку. Она сделала из платка жгут, перетянула им ногу и послала Вивьен за помощью. А когда отца несли по лесу на самодельных носилках, она шла рядом и каждые полчаса ослабляла жгут, чтобы на некоторое время восстановить кровообращение, а затем снова затягивала, чтобы остановить продолжавшееся кровотечение. Врач потом сказал, что она спасла ногу от ампутации. Вивьен вспомнила этот случай, и это вернуло ей силы. Теперь она знала, что никаких проблем со вскрытием у нее больше не будет.

- Есть вопросы? - спросил доктор Пирсон.

Вопрос был у Вивьен.

- Скажите, пожалуйста, что будет с органами, которые извлекли из тела?

- Мы будем хранить около недели сердце, легкие, желудок, почки, печень, поджелудочную железу, селезенку и головной мозг. Будет проведено их детальное, подробное исследование. У нас на исследовании одновременно находятся органы нескольких умерших - от шести до двенадцати.

Как холодно и безлично все это звучит, подумала Вивьен. Но наверное, так и надо себя вести, если приходится заниматься этим всю жизнь, изо дня в день. Она непроизвольно вздрогнула. Майк Седдонс перехватил ее взгляд и едва заметно улыбнулся. Интересно, задала она себе вопрос, он просто удивился или решил меня подбодрить? Она не поняла, почему он улыбнулся.

Другая девушка тоже решила задать вопрос. Произнесла она его тихо и нерешительно, словно боясь спрашивать:

- Это тело... будет похоронено... вот в таком виде?

Привычный вопрос, и Пирсон ответил на него сразу:

– Бывает по-разному. В таких клиниках, как наша, где есть образовательные центры и кафедры, органы изучают после вскрытия в отличие от больниц, где не преподают. Наша практика: мы передаем тело в похоронные бюро без органов. – Подумав, он добавил: – Они не скажут нам спасибо, если мы положим органы обратно. Это затрудняет бальзамирование.

Верно, подумал Макнил. Может, не следовало говорить об этом так откровенно и цинично, но все верно. Иногда он задумывался над тем, что стало бы с людьми, оплакивающими своих близких, если бы они знали, как мало осталось внутри у дорогих им покойников. После сегодняшнего вскрытия пройдет еще несколько недель до того, как будут исследованы и утилизированы внутренние органы, а гистологические срезы тканей для микроскопического исследования будут храниться вечно.

– Бывают ли исключения? – Студентка решила окончательно что-то для себя прояснить и не отставала от Пирсона. Он, правда, не возражал. Сегодня у старика благодушное настроение, подумал Макнил. Иногда с ним такое случается.

– Да, бывают, – говорил в это время Пирсон. – Прежде чем приступить к вскрытию, мы должны получить на него разрешение от родственников умершего. Иногда такое разрешение бывает безусловным, как в данном случае, и тогда мы получаем право исследовать голову и все тело. Но иногда мы получаем лишь ограниченное разрешение. Например, родственники могут попросить не вскрывать череп. В нашей клинике мы обычно выполняем такие просьбы.

– Спасибо, доктор, – поблагодарила студентка. Видимо, ее удовлетворил данный Пирсоном ответ.

Но старый патологоанатом продолжал:

– Иногда мы сталкиваемся с тем, что родственники, по религиозным соображениям, требуют, чтобы были погребены все внутренние органы. Мы подчиняемся этим требованиям.

– Католики выдвигают такое требование? – поинтересовалась одна из девушек.

– В большинстве случаев нет, но есть католические больницы, которые следуют именно такой практике. Это затрудняет работу патологоанатомов. Обычно.

Произнеся последнее слово, Пирсон иронично улыбнулся Макнилу. Оба прекрасно понимали, что имеется в виду. В одной крупной католической больнице, расположенной на другом конце Берлингтона, существовал неукоснительный порядок: перед похоронами все органы укладывали в тело вскрытого покойника. Но иногда приходилось прибегать к небольшим военным хитростям. У патологоанатомов больницы всегда был под рукой запас внутренних органов. Поэтому после вскрытия в тело укладывали органы, хранившиеся в холодильнике, труп отдавали родственникам для погребения и затем заполняли ими полости следующего покойника.

Макнил знал, что Пирсон, хотя и не был католиком, не одобрял этого. Что бы ни говорили о старике, он всегда следовал духу и букве разрешения на вскрытие. В официальном разрешении на вскрытие иногда встречалась такая фраза: «Вскрытие должно быть ограничено разрезом живота». Но некоторые патологоанатомы делали полное вскрытие из одного разреза. Один патологоанатом как-то сказал: «Из разреза живота при желании можно добраться до любого органа – даже до языка». К чести Пирсона, подумал Макнил, старик никогда бы себе этого не позволил – в клинике Трех Графств фраза «ограничить разрезом живота» означала, что исследованию подлежит только полость живота.

Пирсон снова обратил внимание на труп:

– Продолжим наше исследование... – Он замер и внимательно посмотрел на умершего. Потом взял нож, осторожно коснулся легкого и заинтересованно хмыкнул: – Макнил, Седдонс, взгляните-ка сюда.

Пирсон отошел в сторону, и Макнил склонился над заинтересовавшей старого патологоанатома областью. Присмотревшись, резидент согласно кивнул. Плевра, обычно прозрачная и блестящая оболочка, покрывающая легкие, была покрыта рубцами – плотной белой рубцовой тканью. Это был признак туберкулеза. Давний это процесс или свежий, они сейчас выяснят. Макнил посторонился и уступил место Седдонсу.

– Пропальпируйте легкие, Седдонс, – произнес Пирсон. – Думаю, что вы обнаружите там нечто интересное.

Резидент-хирург сжал легкие руками, ощупал их пальцами. Он сразу обнаружил в глубине множественные полости. Подняв глаза, он посмотрел на Пирсона и тоже кивнул. Макнил принялся листать историю болезни. Чтобы не запачкать страницы, он воспользовался чистым ножом.

– Делали ли больному рентген грудной клетки при поступлении? – поинтересовался Пирсон.

Резидент отрицательно покачал головой:

– Больной был в состоянии шока. В истории написано, что по этой причине от рентгенографии грудной клетки было решено воздержаться.

– Мы сделаем вертикальный разрез и посмотрим, – вновь обратившись к студенткам, сказал Пирсон.

Он подошел к столу, положил на него легкие и вертикальным срединным разрезом вскрыл одно из них. Ошибки быть не могло – это был запущенный, далеко зашедший фиброзно-казеозный распад. Было такое впечатление, что легкое состоит из плотно спрессованных шариков для настольного тенниса. В центре было видно гнойное образование, рост которого остановила только смерть.

– Вы видите?

Седдонс без промедления ответил на вопрос Пирсона:

– Похоже, его мог добить первым и туберкулез.

– В причинах смерти всегда присутствует неопределенность. – Пирсон посмотрел в сторону будущих медсестер: – У этого человека был запущенный, далеко зашедший туберкулезный процесс. Как справедливо отметил доктор Седдонс, этот туберкулез мог очень скоро убить больного. Вероятно, ни сам мистер Дантон, ни его лечащий врач не подозревали об этой болезни.

Пирсон стянул с рук перчатки и сбросил рабочий халат.

Представление окончено, подумал Седдонс. Массовка и рабочие сцены наведут порядок. Макнил и он уложат нужные органы в соответствующие емкости и наклеят на них ярлыки с номером истории болезни. Потом они грубым матрасным швом зашьют разрезы и отправят тело в холодильник, где оно будет находиться до прибытия представителей похоронной конторы.

Пирсон надел белый халат, в котором он явился в прозекторскую, и закурил новую сигару. У старика был обычай оставлять на пути следования по клинике окурки сигар в самых неожиданных местах. Патологоанатом предоставлял другим право положить их в пепельницы. Выпустив клуб дыма, Пирсон обратился к будущим сестрам:

– В вашей профессиональной жизни непременно наступит такой момент, когда какой-то из ваших больных умрет и вам надо будет получить разрешение на его вскрытие от ближайших родственников. Как правило, это делают врачи, но иногда эта обязанность достается и сестрам. Возможно, вам придется столкнуться с сопротивлением. Любому человеку трудно решиться дать согласие на право изуродовать тело человека, которого он любил. Это вполне понятное чувство.

Пирсон сделал паузу. Седдонс вдруг поймал себя на мысли о том, что он, возможно, несправедлив к старику. Кажется, он не лишен ни теплоты, ни человечности.

– Подыскивая аргументы, – продолжал Пирсон, – чтобы убедить родственников в необходимости вскрытия, вспомните сегодняшний случай и воспользуйтесь им как примером. – Он вынул изо рта сигару и махнул ею в сторону умершего: – Этот человек в течение многих месяцев страдал туберкулезом и мог заразить окружающих – членов своей семьи, коллег на работе, персонал клиники. Если бы не вскрытие, то многие могли бы заболеть туберкулезом, не догадываясь об этом, и болезнь развивалась бы до тех пор, пока не стало бы слишком поздно ее лечить.

Две практикантки инстинктивно отпрянули от стола.

Пирсон покачал головой:

– Сейчас опасности заражения уже нет. Туберкулез – респираторная инфекция. Но благодаря сегодняшнему вскрытию мы сможем направить людей, контактировавших с больным, к фтизиатру для наблюдения. Он будет периодически обследовать их в течение нескольких лет.

Седдонс, к своему немалому удивлению, был тронут словами Пирсона. Патологоанатом хорошо говорил и, главное, верил в то, что говорил. Сейчас старик очень нравился Седдонсу.

Словно прочитав мысли резидента, Пирсон посмотрел в его сторону и насмешливо улыбнулся:

– В патологической анатомии тоже бывают свои победы, доктор Седдонс. – Он кивнул сестрам и вышел, оставив в прозекторской облако сигарного дыма.

Глава 4

Ежемесячная хирургическая клинико-анатомическая конференция была запланирована на четырнадцать тридцать. В четырнадцать двадцать семь доктор Люси Грейнджер, встревоженная, как опаздывающая на урок школьница, торопливо подошла к столу секретаря перед входом в администрацию и спросила:

– Я не опоздала?

– Не думаю, – ответила девушка. – По-моему, еще не начали.

Приблизившись к двустворчатой двери, Люси услышала гул голосов, а войдя в конференц-зал, устланный толстым ворсистым ковром, с длинным ореховым столом и резными стульями, сразу же увидела Кента О’Доннелла и какого-то незнакомого молодого человека. Вокруг стоял гул голосов, в воздухе плавали облака табачного дыма. Ежемесячные клинико-анатомические конференции считались коллективными мероприятиями, и на них должны были являться не только штатные хирурги, а их было сорок с лишним человек, но и интерны и резиденты.

– Люси! – окликнул ее О’Доннелл.

Услышав ее имя, два знакомых хирурга оглянулись, и она приветливо помахала им рукой.

О’Доннелл направился к ней, ведя за собой молодого человека.

– Люси, я хочу познакомить тебя с доктором Роджером Хилтоном. Он только что зачислен в штат. Помнишь, я недавно говорил тебе о нем?

– Да, помню. – Она лучисто улыбнулась Хилтону.

– Это доктор Грейнджер. – О’Доннелл всегда старался помочь новым врачам влиться в коллектив. – Один из наших хирургов-ортопедов, – добавил он.

Люси протянула Хилтону руку, и он ответил рукопожатием. У молодого хирурга была сильная твердая ладонь и мальчишеская улыбка. Ему скорее всего не больше двадцати семи, решила Люси.

– Добро пожаловать, – сказала она, – если вы еще не устали выслушивать эти слова.

– Если честно, то мне очень приятно их слышать. – Молодой человек говорил искренне.

– Это ваше первое место работы в клинике?

Хилтон кивнул:

– Да, прежде я был резидентом-хирургом в клинике Майкла Риза, в Чикаго.

Теперь Люси вспомнила. Кент О’Доннелл очень хотел заполучить этого человека в Берлингтон. Это означало, что Хилтон – квалифицированный хирург.

– Люси, можно тебя на минутку? – спросил О’Доннелл и показал на окно, около которого было не так много людей.

Извинившись перед молодым хирургом, они отошли.

- Вот так лучше. Здесь мы по крайней мере можем слышать друг друга, - с улыбкой произнес О'Доннелл. - Как у тебя дела, Люси? Я давно тебя не видел, если не считать работы.

Люси задумалась и шутливо ответила:

- Ну, пульс у меня нормальный, температура тридцать шесть и шесть. Давление я давно не измеряла.

- Почему бы мне этого не сделать? - спросил О'Доннелл. - Например, за ужином?

- Думаешь, это будет умно? Вдруг ты уронишь тонометр в суп?

- Ну, так давай поужинаем без тонометра.

- С удовольствием, Кент, - ответила Люси. - Но мне надо сначала дочитать одну книгу.

- Читай, а потом я тебе позвоню. Давай попытаемся поужинать на следующей неделе. - Он коснулся плеча Люси: - Пойду открывать представление.

Глядя, как он прокладывает себе дорогу в людской толчее, Люси в который уже раз поймала себя на мысли о том, что она восхищается О'Доннеллом - как коллегой и как мужчиной. Приглашение на ужин не было для нее новостью. Они и раньше встречались по вечерам, и Люси даже казалось, что между ними установились какие-то негласные отношения. Они оба не состояли в браке, Люси, в свои тридцать пять, была на семь лет моложе главного хирурга. Но О'Доннелл ни разу не дал ей понять, что видит в ней нечто большее, чем приятного собеседника.

Сама Люси чувствовала: если даст себе волю, то ее восхищение Кентом перерастет во что-то более глубокое и личное. И она предпочитала не форсировать события; пусть все идет как идет, а если ничего не выйдет, то она ничего не потеряет. В этом состоит по крайней мере одно из преимуществ зрелости перед юностью. Зрелый человек не спешит, понимая, что

противоположный конец радуги находится не в соседнем квартале.

– Начнем, джентльмены? – О’Доннелл занял место во главе стола и, повысив голос, обратился к присутствующим. Он тоже был рад мимолетной встрече с Люси; его приятно грела мысль о том, что скоро он с ней увидится. Вообще-то ему следовало бы позвонить ей раньше, но были веские причины, удерживавшие О’Доннелла от звонка. Хотя Кент чувствовал, что его все сильнее и сильнее тянет к Люси Грейнджер, он не был уверен, что это хорошо для них обоих.

Он давно привык к своему образу жизни. Одиночество и независимость становятся необходимыми со временем, и О’Доннелл сомневался, что сможет привыкнуть к иной жизни. Он подозревал, что нечто похожее чувствует и Люси и могут возникнуть проблемы в их профессиональной карьере. Но, как бы то ни было, ему было очень комфортно в ее обществе, лучше, чем с любой из женщин, каких он знал раньше. От Люси исходило душевное тепло – когда-то он обозначил это свойство как строгую доброту, – оно успокаивало и вселяло силу.

Он понимал, что есть и другие люди – прежде всего пациенты Люси, – на которых она производит такое же впечатление.

Ведь Люси обладала вполне реальной зрелой женской красотой. К тому же сегодня, глядя на ее волосы, которые мягкими золотистыми волнами обрамляли лицо Люси, он заметил в них седину. Медицина беспощадна, рано седеют все, кто ей служит. Но седина Люси напомнила ему, что их время неумолимо уходит. Может быть, он не прав, что так медлит? Чего он ждет? «Ладно, – решил он, – посмотрим, как пройдет предстоящий ужин».

Гомон не утихал, и О’Доннелл еще раз, громче, чем в первый раз, призвал коллег к тишине.

Отозвался Билл Руфус:

– Кажется, до сих пор нет Джо Пирсона.

О’Доннелл мгновенно нашел Руфуса, который резко выделялся среди коллег своим кричащим галстуком.

– Разве Джо нет? – О’Доннелл окинул помещение удивленным взглядом. – Никто не видел Джо Пирсона? – спросил он.

Несколько человек отрицательно покачали головами.

На лице О’Доннелла промелькнуло раздражение, но в следующую секунду он взял себя в руки, встал и направился к двери.

– Мы не можем проводить клинико-анатомическую конференцию без патологоанатома. Пойду выясню, почему он задерживается. – Но не успел О’Доннелл дойти до двери, как в кабинет вошел Джо Пирсон. – Мы уже хотели искать вас, Джо, – дружелюбно произнес О’Доннелл, и Люси показалось, что она ошиблась, заметив мимолетное недовольство на лице главного хирурга.

– У меня было вскрытие. Оно продлилось дольше, чем я рассчитывал, а потом я перекусил на скорую руку. – Пирсон говорил невнятно.

Вероятно, он доедает бутерброд, подумала Люси. Потом она заметила, что остатки его, завернутые в салфетку, спрятаны между папок, которые Джо держал под мышкой. Люси улыбнулась. Только Джо Пирсон мог прийти на конференцию с бутербродом.

О’Доннелл представил Пирсона и Роджера Хилтона друг другу. Когда они обменивались рукопожатиями, одна из папок патологоанатома выскользнула из-под руки и листы бумаги веером рассыпались по полу. Улыбнувшись, Билл Руфус собрал их, положил в папку и сунул под мышку Пирсону. Тот кивком поблагодарил за помощь и коротко спросил Хилтона:

– Хирург?

– Именно так, сэр, – весело ответил Хилтон.

Молодой человек хорошо воспитан, подумала Люси, уважительно относится к старшим.

– Еще один работник в нашей механической мастерской, – сухо и резко произнес Пирсон. В наступившей вдруг тишине его слова прозвучали очень громко. Такую

реплику можно было бы считать добродушным подшучиванием, если бы не прозвучавшие в тоне Пирсона горечь и вызов.

Хилтон рассмеялся:

- Думаю, что это можно назвать и так.

Но Люси почувствовала, что молодой коллега удивлен тоном патологоанатома.

- Не обижайтесь на Джо, - добродушно сказал О'Доннелл, - у него пунктик в отношении хирургов. Ну что ж, начнем?

Все двинулись к столу. Заведующие заняли места в переднем ряду стоявших вокруг стола стульев, остальные - в задних рядах. О'Доннелл сел во главе стола. Пирсон сел по левую руку от главного хирурга и положил на стол свои папки. Потом он развернул бутерброд и откусил от него, не делая попытки это скрыть.

В начале стола Люси увидела Чарли Дорнбергера, одного из трех акушеров-гинекологов клиники. Дорнбергер сосредоточенно набивал трубку. Всякий раз, когда Люси видела доктора Дорнбергера, он либо набивал, либо чистил, либо раскуривал трубку. Но она ни разу не видела, чтобы он ее курил. Рядом с Дорнбергером сидел Гил Бартлет, а напротив - Динь-Дон из рентгеновского отделения и Джон Макьюэн. Отоларинголог, должно быть, испытывал какой-то особый интерес к сегодняшней конференции, потому что обычно их не посещал.

- Добрый день, джентльмены. - О'Доннелл посмотрел на присутствующих, и все разговоры стихли. Главный хирург опустил взгляд на свои записи: - Первый случай. Сэмюэль Лобиц, белый мужчина пятидесяти трех лет. Прошу вас, доктор Бартлет.

Гил Бартлет, как всегда безупречно одетый, раскрыл блокнот. Инстинктивно Люси посмотрела на аккуратно подстриженную бороду, ожидая, когда она начнет шевелиться. Борода действительно запрыгала вверх и вниз, когда Бартлет негромко заговорил:

- Пациент поступил ко мне двенадцатого мая.

– Немного громче, Гил, – прозвучало с дальнего конца стола.

Бартлет повысил голос:

– Я постараюсь. Но может быть, вам после конференции следует обратиться к доктору Макьюэну?

Соседи отоларинголога коротко рассмеялись.

Люси всегда завидовала тем, кто свободно себя чувствовал на клинко-анатомических конференциях. Сама она была на это не способна, особенно когда обсуждались ее случаи. Это было настоящее испытание: описывать постановку диагноза и лечение умершего больного, выслушивать мнения коллег по этому поводу, а потом заключение патологоанатома. Джо Пирсон в таких случаях не щадил никого.

Бывали добросовестные ошибки, без которых никогда не обходится в медицине, пусть даже эти ошибки стоили пациенту жизни. Ни один врач не может избежать таких ошибок в своей врачебной практике. Очень важно было учиться на этих ошибках, чтобы не повторять их впредь. Именно для этого проводились клинко-анатомические конференции. Каждый, кто на них присутствовал, мог извлечь уроки из своих и чужих ошибок.

Иногда ошибки бывали непростительными, и это чувствовалось по возникавшей на конференции обстановке. Тогда воцарялось неловкое молчание. Коллеги отводили взгляды, отворачивались. Редко кто выступал в таких случаях с открытой критикой. Во-первых, в этом не было необходимости, а во-вторых, все понимали, что никто не застрахован от таких неприятностей.

Люси вспомнила случай, происшедший с одним хорошим хирургом в другой клинике, где она раньше работала. Во время операции этот хирург заподозрил рак кишечника. Произведя ревизию пораженного отдела, он пришел к выводу, что опухоль неоперабельная, и, вместо того чтобы ее удалить, сделал обходной анастомоз. Три дня спустя больной умер, и его труп был направлен на вскрытие. Оно показало, что у больного не было рака, а имелось нагноение на месте аппендикса. Хирург не распознал истинного заболевания и тем самым обрек человека на смерть. Люси вспомнила ужас, который охватил присутствующих, когда они выслушали заключение патологоанатома.

Естественно, подобные случаи никогда не предавались огласке. В такие моменты медицина смыкает ряды. Но в хороших лечебных учреждениях дело на этом не заканчивается. В клинике Трех Графств О'Доннелл лично беседовал с виновником, и если ошибка была неоправданной, то за ним некоторое время пристально следили, тщательно проверяя правильность диагностики и назначаемого лечения. Сама Люси с этим еще ни разу не сталкивалась, но от других слышала, что главный хирург был очень жесток во время таких бесед за закрытыми дверями.

Между тем Гил Бартлет продолжал:

- Об этом случае мне сообщил доктор Цимбалист.

Люси знала этого врача общей практики, который, правда, не состоял в штате клиники. Некоторых больных Цимбалист направлял и ей.

- Мне позвонили домой, - сказал Бартлет, - и доктор Цимбалист сообщил, что подозревает у своего больного прободную язву. Симптомы, которые он перечислил, подтверждали диагноз. Пациент в это время уже находился в машине «Скорой помощи», которая везла его в клинику. Я немедленно сообщил об этом по телефону дежурному хирургу-резиденту. - Бартлет заглянул в свои записи. - Я осмотрел больного приблизительно через полчаса. Больной был в шоке, жаловался на сильные боли в верхней половине живота. Артериальное давление было семьдесят на сорок миллиметров ртутного столба. Кожные покровы были пепельно-серые и покрыты холодным потом. Для борьбы с шоком я назначил внутривенное введение жидкости, а для обезболивания - морфин. При пальпации живота была выявлена ригидность передней брюшной стенки и положительный симптом Блюмберга.

- Вы сделали больному рентген грудной клетки? - спросил доктор Руфус.

- Нет, состояние больного было настолько тяжелое, что я не стал назначать рентгенографию грудной клетки. Я был согласен с предварительным диагнозом и принял решение немедленно оперировать больного.

- И у вас не было никаких сомнений, доктор? - На этот раз вопрос задал Пирсон. Перед тем как его задать, патологоанатом заглянул в свои записи. Теперь он

смотрел в глаза доктору Бартлету.

На мгновение Бартлет заколебался, и Люси подумала: здесь что-то не так. Скорее всего диагноз был неверным и Джо Пирсон ждет момента, когда сможет захлопнуть капкан. Потом она вспомнила, что Бартлет прекрасно знает результаты вскрытия, так как, вероятно, на нем присутствовал. Так делают многие хирурги, когда умирают их больные. Бартлет вежливо ответил Пирсону:

– В таких критических случаях всегда есть сомнения, доктор Пирсон. Но я решил, что все симптомы подтверждают прободную язву, и предпринял эксплоративную лапаротомию[1 - Рассечение брюшной стенки с целью уточнения диагноза. – Здесь и далее примеч. пер.]. – Бартлет сделал паузу. – На операции выяснилось, что у больного нет прободной язвы. Рана была ушита, и больной переведен в отделение. Я вызвал на консультацию доктора Тойнби, но больной скончался до его прихода.

Бартлет закрыл блокнот и обвел взглядом присутствующих. И так, диагноз действительно был неверным, и, несмотря на то что Бартлет сохранял внешнее спокойствие, Люси понимала, что сейчас творится в его душе. Можно было спорить, оправдывали ли имеющиеся симптомы проведение экстренной операции.

О’Доннелл посмотрел на доктора Пирсона и вежливо поинтересовался:

– Будьте любезны, сообщите нам результаты вскрытия.

Люси подумала, что главный хирург тоже прекрасно осведомлен об этих результатах и знает, что последует дальше. Главные специалисты всегда знакомились с результатами вскрытий, касавшихся их специальности.

Пирсон перебрал лежавшие перед ним бумаги, потом выбрал один лист и поднял голову:

– Как уже сказал доктор Бартлет, у этого больного не оказалось прободной язвы. В животе вообще все было нормально. – Он помолчал, как будто для того, чтобы усилить драматический эффект, а затем снова заговорил: – У больного оказалась пневмония на ранней стадии. Боль в животе была обусловлена сопутствующим тяжелым плевритом.

Вот так. Люси обдумала все услышанное от Бартлета. Все правильно, оба заболевания проявляются одинаковыми симптомами.

– Есть ли у коллег вопросы? – спросил О’Доннелл.

Наступила неловкая пауза. Да, совершена ошибка, но ошибка не злонамеренная. Сидевшие за столом врачи чувствовали, что каждый из них может оказаться в точно такой же ситуации. Высказаться решил Билл Руфус.

– Я бы сказал, что при такой симптоматике пробная лапаротомия была оправданной.

Именно этого ждал Пирсон и в ответ задумчиво произнес:

– Ну, не знаю... – И небрежно бросил «гранату»: – Мы все знаем, что доктор Бартлет редко интересуется чем-либо, кроме живота.

В кабинете повисла гробовая тишина, а Пирсон продолжил:

– Вы вообще исследовали легкие, доктор Бартлет?

Высказывание и вопрос были сами по себе возмутительны. Если даже Бартлет заслужил упреки, то они должны были исходить от О’Доннелла, а не от Пирсона и не здесь, а за закрытыми дверями. Нельзя было вести себя так, словно Бартлет был известен своим легкомыслием. Напротив, те, кто с ним работал, поражались его скрупулезности и, как казалось многим, чрезмерной осторожности. В данном случае он столкнулся с необходимостью принятия быстрого решения.

Бартлет вскочил на ноги, едва не опрокинув стул. Лицо его горело.

– Конечно, я слушал легкие и перкутировал грудную клетку! – Он буквально выкрикнул эти слова. Борода его тряслась от гнева. – Я уже сказал, что больной был не в том состоянии, чтобы отправлять его на рентген, а если бы даже мы его сделали...

– Джентльмены! Джентльмены! – попытался вмешаться О’Доннелл, но Бартлета уже невозможно было остановить.

– Очень легко быть умным задним умом, и доктор Пирсон никогда не упускает возможности это продемонстрировать.

Со своего места, взмахнув трубкой, подал реплику Чарли Дорнбергер:

– Не думаю, что доктор Пирсон хотел...

Бартлет резко оборвал гинеколога:

– Конечно, не думаете. Вы же его друг, и он никогда не нападает на акушеров.

– Довольно! – О’Доннелл, расправив плечи, встал. Его атлетическая фигура нависла над столом.

«Он настоящий мужчина – с головы до пят», – подумала Люси.

– Доктор Бартлет, вы не будете так любезны сесть? – О’Доннелл стоя ждал, пока Бартлет неохотно усаживался на свое место.

Внешнее раздражение главного хирурга лишь частично отражало его внутреннее возмущение. Джо Пирсон не имел права превращать конференцию в базарную склоку. Теперь уже нет возможности спокойно обсудить данный вопрос и придется закрыть его. Как же хочется поставить Джо Пирсона на место здесь и сейчас! Но это еще больше осложнит ситуацию.

Бартлет, конечно, не был безупречен в ведении больного. Если бы больному сразу сделали рентгенографию в положении стоя, то отсутствие серпа газа над печенью и под диафрагмой – решающего признака прободной язвы – заставило бы Бартлета задуматься. Кроме того, рентген позволил бы выявить затемнение в нижних долях легких, то есть симптомы пневмонии, которую Пирсон позднее обнаружил на вскрытии. В любом случае Бартлет смог бы скорректировать свои решения и тем самым повлиять на исход заболевания.

Бартлет оправдывает свои действия тем, что больной был слишком плох для того, чтобы везти его на рентген. Но если состояние больного было критическим, то как Бартлет мог решиться на операцию? С нею можно было не спешить. Операцию при прободной язве надо выполнить в течение двадцати четырех часов. По истечении этого срока смертность от прободной язвы на фоне выполненной операции становится выше, чем без нее, потому что самыми тяжелыми для пациента являются именно первые сутки заболевания. По их истечении, если больной остается жив, включаются защитные силы организма и отграничивают зону разрыва желудка или двенадцатиперстной кишки. На основании описанных Бартлетом симптомов можно было предположить, что больной находился в заключительной фазе первых суток или уже пошли вторые сутки от момента прободения. В этом случае сам он постарался бы с помощью интенсивной терапии, не прибегая к операции, улучшить общее состояние больного, а затем, после уточнения диагноза, решить вопрос о хирургическом вмешательстве. С другой стороны, в медицине очень легко судить задним умом, но очень трудно принимать решения у постели больного, когда речь идет о жизни или смерти.

Все это главный хирург собирался обсудить на конференции, но обсудить спокойно и объективно. Некоторые выводы должен был сделать сам Гил Бартлет. Он честен и не боится самокритики. Смысл дискуссии стал бы ясен каждому. Конечно, обсуждение не доставило бы Бартлету удовольствия, но в то же время не унизило бы его. А самое главное – это обсуждение еще раз показало бы хирургам важность проведения тщательной дифференциальной диагностики.

Теперь уже ничего не получится. Если продолжить обсуждение этого вопроса, то у всех сложится впечатление, что О'Доннелл поддерживает Пирсона в попытках уничтожить Бартлета и задеть его самолюбие. Этим можно подорвать моральное состояние хирурга. Таким образом, цель, ради которой этот случай вынесен на конференцию, оказалась недостигнутой. Уж этот Джо Пирсон!

Вспышка угасла, а удар молотка о стол – редкий случай на конференции! – возымел свое действие. Бартлет, с пылающим от гнева лицом, сел на место, Пирсон углубился в какие-то свои бумаги.

– Джентльмены, – прервал О'Доннелл вынужденную паузу. – Думаю, все мы не хотим повторения таких инцидентов на клиничко-анатомических конференциях. Они предназначены для обучения, а не для ссор с переходом на личности.

Доктор Пирсон, доктор Бартлет, я надеюсь, что выразился достаточно ясно. – О’Доннелл посмотрел на обоих и, не дожидаясь ответа, спокойно сказал: – Перейдем к следующему случаю.

Конференция рассмотрела еще четыре случая, и их обсуждение прошло спокойно и конструктивно. И вот это было хорошо, подумала Люси.

Конфронтации не способствуют поддержанию морального климата в клинике. Иногда требуется большое мужество, чтобы поставить диагноз в экстренной ситуации; но если тебе не повезло, если ты оказался повинен в ошибке, то должен понимать, что тебя призовут к ответу. Другое дело – халатность или небрежность. Ни один хирург не допустит этого, если он настоящий специалист, а не беспечный и некомпетентный халтурщик.

Сегодня Люси уже не в первый раз удивилась тому, как сильно суждения Пирсона связаны с его личными чувствами. В стычке с Гилом Бартлетом Пирсон был более резок, чем на прежних конференциях. Причем это не был вопиющий случай, да и Бартлет очень редко ошибался. Он был прекрасный хирург, благодаря ему в клинике Трех Графств теперь оперировали опухоли, которые раньше считались неоперабельными.

Пирсон, без сомнения, тоже это знал. Откуда же такой антагонизм? Не оттого ли, что Бартлет достиг в медицине положения, которого Пирсон не в силах был добиться? Она посмотрела на Бартлета. Лицо его было до сих пор напряжено; чувствовалось, что он сильно переживает случившееся. Обычно Бартлет был спокоен, дружелюбен, приветлив – у него было все, чего может желать человек, которому только недавно перевалило за сорок. Бартлет и его жена были известными людьми в берлингтонском высшем обществе. Люси не раз видела его на коктейлях в домах состоятельных пациентов. У Бартлета была богатая частная практика. По прикидке Люси, он зарабатывал в год около пятидесяти тысяч долларов.

Не это ли было причиной озлобления Джо Пирсона? Пирсона, который не мог соперничать в этом с хирургами. Его работа была очень важна, но незаметна. Пирсон выбрал для себя дело, скрытое от глаз общества. Люси самой не раз задавали вопрос: что делают и чем занимаются патологоанатомы? Никто и никогда не спрашивал: что делают хирурги? Она знала, что многие считают патологическую анатомию разновидностью вспомогательных служб, не понимая, что патологоанатом – это прежде всего врач, как правило, с ученой степенью, проучившийся много лет, прежде чем стать высококвалифицированным

специалистом.

Большим вопросом были, конечно же, деньги. В клинике Трех Графств Гил Бартлет работал как приглашенный хирург, и деньги он получал не от клиники, а от пациентов. Люси и все остальные приглашенные врачи работали на тех же основаниях. Напротив, Джо Пирсон был штатным сотрудником клиники и получал фиксированную зарплату в двадцать пять тысяч долларов в год, то есть приблизительно половину того, что мог заработать более молодой годами, но успешный хирург. Люси однажды где-то прочитала циничное определение разницы между хирургом и патологоанатомом: «Хирург получает пятьсот долларов за удаление опухоли. Патологоанатом получает пять долларов за то, что исследует эту опухоль, ставит диагноз, рекомендует лечение и определяет прогноз пациента».

Сама Люси неплохо ладилась с Джо Пирсоном. По непонятной для нее причине она чувствовала, что нравится старому патологоанатому, и бывали моменты, когда она платила ему взаимностью. Иногда его симпатия к ней оказывалась полезной – Люси было с кем поговорить о трудных диагнозах.

Обсуждение закончилось, О’Доннелл подвел итог. Люси вернулась к реальности. От обсуждения последнего случая она отвлеклась; это нехорошо, впредь надо будет следить за собой. Присутствующие поднимались со своих мест. Пирсон собрал бумаги и шаркающей походкой направился к выходу. На пути к двери его остановил О’Доннелл. Люси видела, как главный хирург отвел Пирсона в сторону.

– Зайдемте на минутку ко мне, Джо. – О’Доннелл открыл дверь небольшого кабинета. Он примыкал к конференц-залу и иногда использовался для заседаний медицинского совета. Сейчас в кабинете никого не было. Пирсон вошел в него вслед за главным хирургом.

О’Доннелл держался с деланной непринужденностью.

– Джо, мне кажется, что вам не стоит терроризировать врачей на конференциях.

– Почему? – без обиняков спросил Пирсон.

«Отлично, – подумал О’Доннелл, – пусть будет так, как ты сам этого хочешь».
Вслух он сказал:

– Потому что это заведет нас в тупик. – В голосе О’Доннелла зазвучали стальные нотки. Обычно в разговорах с патологоанатомом главный хирург проявлял к нему должное уважение, учитывая разницу в годах. Но на этот раз надо было употребить власть. Хотя О’Доннелл как главный хирург не являлся непосредственным начальником Пирсона и не имел права вмешиваться в его работу, он мог указать на недостатки патологической анатомии, касавшиеся отделений хирургического профиля.

– Я указал на неверный диагноз, только и всего. – Пирсон говорил напористо и агрессивно. – Вы хотите, чтобы мы молчали о таких вещах?

– Вы же прекрасно меня понимаете, – отрезал О’Доннелл, не скрывая на этот раз ледяного холода в голосе. Он видел, что Пирсон колеблется, понимая, что зашел слишком далеко.

– Я не хотел ссоры и склоки, – ворчливо признал он. – Не думал, что до этого дойдет.

Кент О’Доннелл невольно улыбнулся. Нелегко было заставить Джо Пирсона извиниться. Должно быть, старику было очень трудно произнести эти слова. Главный хирург заговорил более мягко:

– Думаю, что есть лучшие способы делать это, Джо. Если вы не возражаете, то давайте договоримся так: вы будете зачитывать результаты вскрытия, а я буду вести обсуждение. Думаю, что тогда мы сможем работать без гнева и пристрастий.

– Я не понимаю, почему мое замечание вызвало у кого-то гнев, – проворчал Пирсон, но О’Доннелл чувствовал, что старик сдается.

– Как бы то ни было, Джо, я хочу, чтобы мы проводили конференции так, как я считаю нужным.

«Не хочется наступать ему на горло, – подумал О’Доннелл, – но настало время определиться».

Пирсон пожал плечами:

– Как вам будет угодно.

– Спасибо, Джо. – О’Доннелл понял, что выиграл; это оказалось легче, чем он предполагал. Может быть, стоит тогда затронуть и другой вопрос? – Джо, – сказал он, – уж коли мы здесь, давайте поговорим еще об одной вещи.

– У меня очень много работы. Это может подождать?

Слушая Пирсона, О’Доннелл хорошо понимал, что у него на уме. Патологоанатом давал понять, что, уступив в одном, не собирается сдаваться по всем направлениям и хочет сохранить независимость.

– Думаю, что это дело не может ждать. Речь идет о патологоанатомических заключениях для хирургических отделений.

– Вас не устраивают заключения? – Реакция старика была агрессивно-оборонительной.

О’Доннелл продолжил:

– Мне жалуются врачи. Некоторые заключения поступают из отделения патологической анатомии с большой задержкой.

– Это, конечно, Руфус. – Джо Пирсон не скрывал горечи. В его словах явственно слышался подтекст: еще один хирург создает проблемы.

О’Доннелл твердо решил не поддаваться на провокацию.

– Не только Билл Руфус. Жалуются и другие хирурги. Вы же знаете об этом, Джо.

На какое-то время Пирсон замолчал, и О'Доннелл вдруг ощутил приступ жалости к старику. Годы идут неумолимо. Сейчас Пирсону шестьдесят шесть. Активной жизни ему осталось от силы пять или шесть лет. Некоторые смиряются с этой переменной и уступают место более молодым коллегам. Пирсон был не таков и не скрывал своей обиды и недовольства. О'Доннелл не вполне понимал, что стояло за ними. Может быть, старик болезненно ощущал, что не успевает за новшествами современной медицины? В этом он не первый и не последний. Но при всей неуживчивости Джо Пирсона у него были неоспоримые заслуги. Именно поэтому О'Доннелл действовал осмотрительно и осторожно.

- Да, я знаю. - В тоне патологоанатома прозвучало смирение.

Значит, он признал сам факт. «Как это характерно для него», - подумал О'Доннелл. Пирсон понравился ему в самом начале его пребывания в клинике Трех Графств, понравился своей прямоотой, которую О'Доннелл часто использовал для повышения уровня медицинских стандартов.

О'Доннелл вспомнил, что одной из проблем, с которой ему пришлось столкнуться, была борьба с ненужными операциями. Среди таких операций было невероятно большое число гистерэктомий. Некоторые штатные хирурги клиники зачастую удаляли совершенно нормальные матки. Эти люди нашли в хирургии удобный и выгодный способ лечения всех женских недомоганий, даже тех, которые хорошо поддаются медикаментозному лечению. Для патологоанатомических заключений была придумана дымовая завеса в виде расплывчатых диагнозов: «хронический миометрит» или «фиброз матки». О'Доннелл вспомнил, как сказал однажды Пирсону: «В гистологических заключениях мы будем называть лопату лопатой, а здоровую матку здоровой маткой». Пирсон тогда улыбнулся и полностью поддержал нового шефа хирургической службы. В результате ненужные операции почти прекратились. Хирурги были шокированы тем, что удаленные ими органы демонстрировались коллегам, а те убеждались, что они удалены были совершенно здоровыми.

- Послушайте, Кент, - сказал Пирсон почти примирительным тоном. - Я же буквально поставлен на уши. Вы не представляете, сколько у меня работы.

Это был довод, которым О'Доннелл решил незамедлительно воспользоваться.

– Хорошо представляю, Джо. И полагаю, что у вас слишком много работы. Это очень нелегко... – Он хотел добавить «в вашем возрасте», но передумал и вместо этого сказал: – Может, вам нужна помощь?

Реакция последовала немедленно, Пирсон едва не сорвался на крик:

– Вы говорите мне о помощи? Господи, я же месяцами прошу дать мне лаборантов! Мне нужны по меньшей мере три лаборанта, но обещают только одного! Что говорить о машинистке? Множество заключений лежат неделями, потому что их некому напечатать. Это нормально? – Не дождавшись ответа, Пирсон продолжал бушевать: – Мне нужна помощь? Если бы администрация меньше болтала и больше делала, то можно было бы добиться многого, например уменьшить число хирургических ошибок. Боже мой! И вы говорите, что мне нужна помощь. Вот уж воистину, важная новость!

О’Доннелл спокойно слушал.

– Вы закончили, Джо? – спросил он.

– Да. – Было видно, что Пирсону немного стыдно за всплеск эмоций.

– Я думал не о лаборантах и не о помещении, – сказал О’Доннелл. – Говоря о помощи, я имел в виду еще одного патологоанатома. Человека, который помогал бы вам руководить отделением. Может быть, даже смог бы как-то его модернизировать.

– Нет, вы только послушайте! – При слове «модернизировать» Пирсон страшно возмутился, но О’Доннелл не стал слушать его возражений.

– Я выслушал вас, Джо. Теперь выслушайте меня вы. Прошу вас. – Он сделал паузу. – Я думаю, что вам будет полезен молодой толковый специалист, который сможет освободить вас от некоторых второстепенных обязанностей.

– Мне не нужен второй патологоанатом. – Это было утверждение – энергичное и бескомпромиссное.

– Почему, Джо?

– Потому что в отделении нет достаточно работы для двух квалифицированных специалистов. Со всей работой – той, что касается патологической анатомии, – я могу справиться и один, без всякой помощи. Кроме того, у меня в отделении есть резидент.

О’Доннелл удержался от резкости, но продолжал стоять на своем:

– Резидент проходит у нас обучение, Джо, и обычно находится в клинике недолго. Конечно, я согласен, что резидент может взять на себя часть работы, но вы не можете передать ему даже часть своей ответственности, а мы не можем поручить ему руководство. Поэтому я считаю, что вам нужна помощь, и нужна сейчас.

– Позвольте мне самому об этом судить. Дайте мне несколько дней, и мы уладим недоразумение с хирургами.

Было ясно, что Джо Пирсон не желает уступать. О’Доннелл ожидал, что старик будет противиться предложению взять второго патологоанатома, но не оценил силы его сопротивления. Отчего Пирсон упрямится – не хочет ни с кем делить власть в своем царстве или просто боится, что его выживут с работы? На самом деле у О’Доннелла и в мыслях не было добиваться увольнения Пирсона. Опыт его в патологической анатомии был незаменим, О’Доннелл хотел лишь усилить отделение и улучшить организацию службы клиники. Возможно, стоит выразиться яснее.

– Джо, поймите, речь не идет о какой-то большой реорганизации. Никто ее не предлагает. Вы по-прежнему будете руководить...

– В таком случае предоставьте мне самому решать, как это делать.

О’Доннелл чувствовал, что его терпение иссякает. Пожалуй, на сегодня хватит. Надо выждать пару дней, а потом сделать вторую попытку. Ему хотелось избежать открытого столкновения.

– На вашем месте я бы подумал, Джо.

– Здесь не о чем думать, – ответил Пирсон, стоя в дверях. Он коротко кивнул и вышел.

«Вот так, – подумал О’Доннелл. – Линия фронта обозначена». И он принялся размышлять, каким должен стать его следующий шаг.

Глава 5

Столовая клиники Трех Графств был традиционным местом обсуждения слухов о событиях, происходивших во всех отделениях и службах. Было мало таких событий – повышение в должности, скандал, увольнение, прием на работу, – которые бы не обсуждались здесь задолго до подписания в администрации официальных приказов и распоряжений.

Врачи часто использовали столовую для неофициальных консультаций с коллегами, с которыми могли встретиться только за обедом или за чашкой кофе во время короткого перерыва. Многие серьезные дела решались за ее столиками. Именно тут можно было выяснить мнение маститого специалиста и сделать это бесплатно, в то время как такая же консультация на рабочем месте стоила бы довольно круглой суммы. Иногда такие обсуждения были очень выгодны больным, которые, поправляясь от считавшегося проблемным заболевания, даже не подозревали, что своим выздоровлением обязаны мимолетному разговору врачей в столовой.

Были и исключения. Некоторые врачи не допускали вольности в отношении своей – приобретенной потом и кровью – квалификации и противились всяким попыткам коллег вовлечь их в обсуждение тех или иных клинических случаев. Возражение в таких случаях было достаточно стандартным: «Пришлите этого больного ко мне, я его обследую, а заодно засеку время».

Одним из таких врачей был Гил Бартлет, причем он мог не постесняться в выражениях, отказывая в неофициальной консультации. Один такой отказ, о котором потом много рассказывали, имел место, правда не в клинической столовой, а на коктейле в доме одного из частных пациентов Бартлета. Хозяйка дома, светская львица Берлингтона, сумела ухватить доктора, так сказать, за пуговицу и принялась рассказывать ему о своих хворях и недомоганиях –

настоящих и мнимых. Бартлет некоторое время слушал ее, а потом громко, так что услышали окружающие, ответил: «Мадам, из того, что я услышал, могу заключить, что у вас какие-то проблемы с менструальным циклом. Если вы разденетесь, я вас охотно посмотрю прямо сейчас».

Однако, прямо отказывая в консультации при встречах вне клиники, многие врачи понимали, что отказ в столовой может плохо сказаться на их репутации, и прибегали к заплесневелым отговоркам: «Если хотите, мы можем поговорить в моем втором кабинете». Обычно других объяснений не требовалось.

В столовой царила демократия. О чинах и званиях не то чтобы забывали, их на какое-то время игнорировали. Единственное исключение: для врачей были особые столики. Главная диетсестра, миссис Строган, периодически их инспектировала, понимая, что нарушение гигиены и обслуживания может привести к неприятным вопросам на медицинском совете.

Старшие врачи, за редким исключением, пользовались именно этими, выделенными для них, столами. Прочий персонал не отличался такой чопорностью, а интерны и резиденты при каждом удобном случае демонстрировали свою независимость, присоединяясь к сестрам и лаборантам. Не было поэтому ничего необычного в том, что Майк Седдонс уселся за столик рядом с Вивьен Лоубартон, которая, освободившись раньше своих подруг, обедала в гордом одиночестве.

С тех пор как десять дней назад они познакомились на вскрытии, Вивьен несколько раз мельком видела Седдонса в клинике. Каждый раз она чувствовала, что ей все больше и больше нравится этот парень с копной рыжих волос и широченной улыбкой. Интуитивно девушка чувствовала, что скоро он сделает попытку познакомиться с ней поближе, и вот этот момент, кажется, наступил.

– Салют! – сказал Седдонс.

– Привет, – пробормотала Вивьен, потому что как раз в этот момент со всем могучим аппетитом юности прожевывала кусок курицы. Она поднесла руку ко рту: – Прости, пожалуйста.

– Все нормально, – отмахнулся Седдонс. – Ешь на здоровье. Я пришел сделать тебе предложение.

Дожевав и проглотив, Вивьен с лукавством сказала:

– Я думала, ты сделаешь его чуть позже.

Майк Седдонс улыбнулся:

– Разве ты не слышала: «...В его возрасте чувства несдержанны и не нуждаются в манерных украшениях»? Вот мое предложение: послезавтра идем в театр, а до этого ужинаем в «Кубинском гриле».

– И у тебя хватит денег на все это? – с удивлением спросила Вивьен. Среди персонала и сестер шутки о бедности были обычным, проверенным временем явлением.

Седдонс понизил голос до сценического шепота:

– Никому не говори, но у меня образовался побочный доход. Вспомни умерших больных на вскрытиях. У многих во рту полно золотых зубов. Дело очень простое...

– Прекрати, ты испортишь мне аппетит. – Она отправила в рот очередной кусок.

Седдонс позаимствовал с ее тарелки оставшийся кусочек.

– М-м, вкусно, – похвалил он, пожевав. – Пожалуй, мне стоит почаще есть. Ну так вот, история такова. – Он достал из кармана два билета и отпечатанное поручительство. – Смотри, подарок благодарного пациента.

Это были билеты на гастрольный мюзикл бродвейского театра. В поручительстве говорилось об оплаченном обеде для двоих в «Кубинском гриле».

– Что же ты сделал? – с искренним любопытством спросила Вивьен. – Операцию на сердце?

– Нет, на прошлой неделе я на полчаса подменил в отделении «Скорой помощи» Фрэнка Уорта. Как раз в это время пришел какой-то парень с раненой рукой, и я обработал и зашил рану. А потом по почте получил все это. – Он засмеялся: – Фрэнк в ярости. Говорит, что никогда больше не уйдет с рабочего места. Ну, так ты пойдешь?

– С удовольствием, – согласилась Вивьен.

– Прекрасно! Я приеду за тобой к общежитию в семь часов. Ладно? – Говоря все это, Седдонс смотрел на девушку с еще большим интересом, чем раньше. До него вдруг дошло, что у нее не только красивое личико и стройная фигура. В ее взгляде и улыбке были теплота и нежность. Хотелось бы встретиться с ней сегодня, ведь до послезавтра так долго ждать. Но внутренний голос предостерег: «Не впутывайся в тесные отношения! Помни свой девиз: “Люби их и бросай, оставляя со счастливыми воспоминаниями. В расставании есть сладкая печаль, но оно необходимо – как иначе остаться свободным и независимым?”»

– Хорошо, – сказала Вивьен. – Я, может быть, опоздаю, но ненамного.

Прошло полторы недели с тех пор, как Гарри Томазелли рассказал О’Доннеллу о планах начать весной строительство нового крыла клиники. И вот сегодня О’Доннелл, Томазелли и Ордэн Браун, председатель совета директоров, собрались для обсуждения первоочередных задач.

За несколько месяцев до этого они вместе с архитектором разработали подробные поэтажные планы для всех подразделений, которые предполагалось разместить в новом крыле. Пожелания руководителей пришлось согласовывать с доступными финансовыми возможностями. Арбитром выступал Браун, советуясь при необходимости с О’Доннеллом как с медицинским экспертом. Браун при согласованиях обычно бывал язвительен, хотя и смягчал резкость уместными шутками. Иногда дело шло быстро, но в некоторых случаях, когда имперские претензии руководителей служб зашкаливали, обсуждение затягивалось.

Заведующий аптекой, например, потребовал, чтобы его кабинет был оборудован личным туалетом. Когда архитектор заметил, что согласно плану туалет находится всего в сорока футах от кабинета заведующего, тот возразил, что это много при его хроническом поносе. Ордэн Браун сухо посоветовал ему обратиться к гастроэнтерологу.

Некоторые действительно стоящие проекты были забракованы только по причине недостатка средств. Так, Динь-Дон предложил оснастить рентгенологическое отделение установкой кинорентгенографии, что позволило бы улучшить качество диагностики сердечно-сосудистых заболеваний. Но такая установка стоила более пятидесяти тысяч долларов, и от плана пришлось скрепя сердце отказаться.

Теперь, когда все организационные вопросы были решены, надо было заняться насущной проблемой – получением денег. Строго говоря, это было прерогативой совета директоров; но совет ожидал помощи от медиков.

– Мы предлагаем квоты для врачей, – сказал Браун. – Шесть тысяч для старших врачей, четыре тысячи для приглашенных и две тысячи для помощников врача.

О’Доннелл тихо присвистнул:

– Боюсь, что нас засыплют жалобами.

– Это придется пережить, – улыбнувшись, сказал Браун.

В разговор вмешался Томазелли:

– Поступление денег можно растянуть на четыре года, Кент. Если у нас будут письменные ручательства, то мы сможем занять деньги в банке.

– Это другое дело, – откликнулся Браун. – Когда по городу пройдет слух о том, что сами врачи делают взносы, нам будет легче собрать для фонда хорошие деньги.

– А вы позаботитесь о том, чтобы по городу прошел такой слух?

– Естественно. – Браун еще раз улыбнулся.

О’Доннелл начал размышлять, в какой форме донести эту новость до персонала на ближайшем собрании. Конечно, придется выслушать недовольных, а их будет немало – большинство медиков живут теперь только на зарплату. С другой стороны, в отношении квот не будет никакого принуждения, поэтому активных

возражений ждать не стоит, так как персонал клиники в итоге получит немалую выгоду. Определенно многие внесут деньги и будут делать все, чтобы и других заставить нести равное с ними бремя. Вот в этом будет проблема. Клиника – питательная среда для всяческих интриг, и для недовольных существует множество способов осложнить руководству жизнь.

Томазелли, снова проявив незаурядную интуицию, сказал:

– Не волнуйся, Кент. Перед собранием я тебя как следует проинструктирую. Выстроим все пункты в безупречную цепочку. Думаю, что после собрания многие захотят расширения квот.

– На это можешь не рассчитывать, – улыбнулся О’Доннелл. – Ты собрался тронуть врачей за их самое чувствительное место – за кошелек.

Администратор усмехнулся. Он знал, что обращение главного хирурга к персоналу будет решительным и продуманным до мелочей, как и все, что до сих пор делал О’Доннелл. Томазелли – уже в который раз – подумал о том, как ему повезло, что он работает с таким человеком. На предыдущем месте работы, в другой клинике, где он был помощником администратора, председатель медицинского совета был популистом и, как флюгер, менял свои решения в зависимости от чужих мнений. В результате лечебное учреждение было лишено реального руководства, отчего страдали стандарты оказания помощи.

Томазелли восхищался способностью О’Доннелла к прямым и быстрым решениям главным образом потому, что и сам придерживался подобной тактики, находясь на посту администратора клиники Трех Графств. Принимая быстрые решения, конечно, делаешь и ошибки, зато дело движется вперед, а число ошибок со временем уменьшается. Быстрота – слов, мыслей и действий – была качеством, которое Томазелли усвоил, работая в судах, когда он и не помышлял о том, что когданибудь станет больничным администратором.

После окончания колледжа он поступил на юридический факультет и уже начал закладывать фундамент будущей адвокатской практики, когда началась война. Не дожидаясь призыва, Томазелли записался добровольцем во флот. Он получил офицерское звание и был направлен на службу в администрацию военно-морского госпиталя. Когда госпиталь начал заполняться ранеными, лейтенант Томазелли открыл в себе способность тонко чувствовать границу между

медицинской практикой и администрированием.

После войны, столкнувшись с выбором: вернуться в юриспруденцию или остаться в здравоохранении, – Томазелли выбрал последнее и поступил на факультет организации здравоохранения в Колумбийском университете. Он окончил университет в тот момент, когда все поняли, что медицинское администрирование – это специализированное поле деятельности, в которой медицинская степень не только не нужна, но и не особенно полезна. Потребность в медицинских администраторах быстро росла, и, проработав два года помощником администратора, Гарри Томазелли принял предложение Ордэна Брауна и занял пост администратора в клинике Трех Графств.

Он был просто влюблен в свою новую работу. Он разделял взгляды Кента О’Доннелла на стандарты полноценной медицинской помощи и уважал деловую хватку и ум Ордэна Брауна – председателя совета директоров. Делом Томазелли было следить за тем, чтобы все подразделения клиники – сестринский состав, административно-хозяйственная часть, служба инженерного обеспечения, текущего ремонта здания, бухгалтерия – соответствовали требованиям, выдвигаемым председателями медицинского совета и совета директоров.

Часть своих полномочий он передавал подобранным им самим руководителям служб. То, что он делал, удавалось ему в первую очередь из-за его интереса ко всему, что происходило в клинике. Ничто важное не ускользало от внимания Томазелли. Каждый день его плотную, коренастую фигуру можно было видеть в коридорах, кабинетах. Он останавливался, чтобы поговорить с врачами, медсестрами, пациентами, санитарями, клерками, поварами – со всеми, кто мог ему открыть что-то новое в работе клиники и предложить какие-либо улучшения. Новые идеи приводили его в волнение. Часто можно было видеть, как он убеждает в чем-то своего собеседника – подавшись вперед, сверкая глазами из-за толстых стекол очков в массивной черной оправе и подкрепляя слова энергичной жестикуляцией.

Беседуя с людьми, Томазелли редко что-либо записывал. Тренированная юридической подготовкой память позволяла ему удерживать в голове все узнанные факты. В результате после каждого своего обхода он рассылал массу памятных записок всем крупным и мелким руководителям, от которых зависело возможное улучшение работы клиники.

При всем том у Томазелли был дипломатический дар: он умел говорить, не обижая собеседников. Мог, например, высказать подчиненному претензию или порицание и тут же непринужденно перейти к другим вопросам. Несмотря на краткость, его памятные записки отличались изысканностью и любезностью. Он страшно не любил увольнять сотрудников, если их проступки были не слишком серьезны. Руководителям отделов он часто говорил: «Если человек проработал у нас больше месяца, значит, мы потратили на его обучение время и силы, а он приобрел опыт. Наша задача направить этот опыт в нужное русло. Это лучше, чем нанимать нового человека». О такой политике Томазелли знали все. Администратора уважали, и это поддерживало в клинике здоровый моральный климат.

Были, однако, в организации клиники вещи, которые по-настоящему тревожили Томазелли. Большая часть оборудования требовала замены. В идеале клиника должна была бы располагать совершенно новым оборудованием – кинопентгеновская установка была здесь лишь одним примером. Даже в новом здании эти проблемы будут решены не все. Как и О’Доннелл, Томазелли понимал, что впереди годы упорного труда и не всех целей удастся достичь. Но в конце концов всегда надо хотеть немного больше, чем можешь получить.

К реальности его вернул голос Ордэна Брауна. Председатель совета директоров говорил О’Доннеллу:

– Общественная активность будет обязательно возрастать по мере развертывания кампании. Да, кстати, еще одно. Думаю, будет неплохо, Кент, если ты выступишь в ротари-клубе. Ты сможешь рассказать о новом здании, о планах на будущее и так далее.

О’Доннелл терпеть не мог публичных мероприятий, особенно регламентированное дружелюбие закрытых клубов. Он едва не скорчил недовольную гримасу, но вслух сказал:

– Если ты думаешь, что это поможет.

– Один из моих людей состоит в руководстве ротари-клуба, – пояснил Браун. – Я скажу ему, чтобы он все подготовил. Это будет лучшее открытие недельной кампании. Через неделю мы сможем повторить то же самое в клубе Кивани.

О’Доннелл подумал, что Браун не оставляет ему времени на хирургию, из-за чего могут возникнуть проблемы с его квотой, но возражать не стал.

– Кстати, – продолжил Браун, – ты свободен послезавтра вечером? Я хочу пригласить тебя на ужин.

– Да, я свободен, – не задумываясь ответил О’Доннелл. Ему нравились спокойные и в то же время интересные вечера в доме на холме.

– Мне хотелось бы, чтобы ты поехал со мной к Юстасу Суэйну. – Заметив удивление на лице О’Доннелла, Браун добавил: – Все в порядке. Ты приглашен. Он просил меня тебе это передать.

– Я рад принять это приглашение.

Тем не менее приглашение со стороны одного из самых твердолобых членов совета директоров стало для О’Доннелла полной неожиданностью. Естественно, О’Доннелл несколько раз встречался с Суэйном, но не был знаком с ним близко.

– На самом деле это, конечно, мое предложение, – продолжил Браун. – Мне хочется, чтобы ты сам поговорил с ним о клинике в самой общей форме. Постарайся убедить его в правильности своих идей. Честно говоря, иногда он создает проблемы на заседаниях совета директоров, ты и сам это хорошо знаешь.

– Сделаю что смогу.

Теперь, когда стало ясно, что стоит на кону, О’Доннелл понял, что ему придется ввязаться в политику совета директоров. До сих пор ему удавалось от них дистанцироваться, сохраняя какуюто независимость. Но он не мог сказать «нет» председателю совета директоров.

Браун взял портфель и собрался уходить. О’Доннелл и Томазелли поднялись, чтобы проводить его.

– Гостей будет очень немного, – сказал Браун. – Не больше полудюжины. Мы могли бы захватить тебя в городе. Перед выездом я тебе позвоню.

О’Доннелл выдал благодарность, и Браун, вежливо кивнув, вышел за дверь.

Едва она закрылась, как в кабинет вошла секретарь Томазелли Кэти Коэн.

– Прошу прощения, что помешала, – извинилась она.

– Что случилось, Кэти? – спросил Томазелли.

– Один человек очень хочет поговорить с вами по телефону, – сказала секретарь, – некий мистер Брайан.

– Я сейчас занят с доктором О’Доннеллом. Скажи Брайану, что я перезвоню ему позже. – Томазелли не скрывал удивления. Обычно Кэти знала, что говорить звонившим в таких случаях. Ее не надо было учить элементарным вещам.

– Я так ему и сказала, мистер Томазелли, – неуверенно произнесла Кэти. – Но он очень настойчив. Говорит, что он муж одной нашей пациентки. Я решила, что вас надо поставить в известность.

– Может быть, тебе стоит с ним поговорить, Гарри, – вмешался О’Доннелл. – Сними с Кэти эту тяжесть, я могу подождать.

– Хорошо. – Администратор подошел к одному из двух своих телефонов.

– Четвертая линия, – сообщила Кэти, дождалась соединения и вышла в холл.

– Администратор слушает, – приветливо сказал в трубку Гарри Томазелли. Но потом он нахмурился, слушая, что ему говорили с противоположного конца провода.

Мощная мембрана трубки вибрировала так энергично, что О’Доннелл разбирал некоторые слова: «Постыдная ситуация... непосильное бремя для семьи... будет разбирательство».

Томазелли прикрыл ладонью микрофон трубки и сказал О’Доннеллу:

– Он и в самом деле кипит. Речь идет о его жене. Я не вполне понимаю...

Некоторое время он продолжал слушать, потом заговорил:

– Мистер Брайан, давайте начнем сначала. Попробуйте рассказать мне, что, собственно, случилось. – С этими словами Томазелли придвинул к себе блокнот и взял карандаш. – Да, сэр. – Последовала пауза. – Теперь скажите мне, пожалуйста, когда ваша жена поступила в клинику? – Телефон снова завибрировал, а администратор принялся записывать. – Кто ее лечащий врач? – Администратор еще раз что-то черкнул в блокноте. – Когда ее выписали? – Еще одна пауза. – Хорошо, я понял вас.

В ответной реплике О’Доннелл расслышал слова: «Я не могу ничего добиться», – а потом снова заговорил Томазелли:

– Нет, мистер Брайан, я не помню этого случая, но я все узнаю, обещаю вам. – Выслушав говорившего, он продолжил: – Да, сэр, я понимаю, что означает для вашей семьи больничный счет. Но вы тоже должны понять, что клиника не извлекает из этого никакого дохода.

О’Доннелл все еще слышал голос в трубке, но теперь мужчина говорил тише, поддавшись умиротворяющим талантам Томазелли. Воспользовавшись первой же паузой, администратор сказал:

– Сэр, только лечащий врач определяет, сколько времени больной должен находиться в клинике. Думаю, вам следует еще раз поговорить с лечащим врачом вашей жены, а я тем временем выясню у нашего казначея, что можно сделать с вашим счетом. Мы проверим его пункт за пунктом. – И добавил: – Спасибо, мистер Брайан, до свидания.

Томазелли повесил трубку, вырвал из блокнота страницу и положил ее на поднос с надписью «Распоряжения».

– Что случилось? – спросил О’Доннелл, не особенно, впрочем, тревожась. В больших лечебных учреждениях претензии по поводу обслуживания и счетов были не редкостью.

– Он утверждает, что его жену держат в клинике слишком долго без всякой необходимости. Ему придется влезть в долги, чтобы оплатить счет.

– Откуда он знает, что его жену держат у нас слишком долго? – резко спросил О’Доннелл.

– Говорит, что наводил справки, – задумчиво ответил Томазелли. – Может быть, в этом и есть какая-то необходимость, но она действительно провела в клинике три недели.

– И что?

– Я бы не стал придавать этому значение, но в последнее время число таких жалоб значительно возросло. Не всегда люди ведут себя так агрессивно, но суть у всех этих жалоб одна.

В мозгу О’Доннелла что-то промелькнуло, и это было словосочетание: «Патологическая анатомия».

– Кто был лечащим врачом? – спросил он вслух.

Томазелли взглянул в записи:

– Эрни Рейбенс.

– Давайте позвоним ему и попробуем сейчас же все выяснить.

Томазелли нажал кнопку селектора:

– Кэти, попробуй соединить меня с доктором Рейбенсом.

Они ждали молча. Из холла доносился тихий голос, вызывавший по селекторной связи доктора Рейбенса.

Спустя секунду телефон зажужжал. Томазелли поднял трубку и передал ее О’Доннеллу.

- Эрни? Это Кент О'Доннелл.

- Чем могу быть полезен? - С другого конца провода послышался тонкий, отчетливый голос Рейбенса, одного из старших хирургов.

- У тебя есть больная, - он заглянул в листок, который пододвинул ему администратор, - миссис Брайан?

- Да, есть. Что случилось? Вам пожаловался ее муж?

- Так ты все знаешь?

- Конечно, я все знаю, - раздраженно ответил Рейбенс. - Лично я думаю, что у него есть все основания жаловаться.

- Так в чем дело, Эрни?

- Дело в том, что при поступлении я поставил миссис Брайан диагноз - рак молочной железы. Я удалил опухоль, но она оказалась доброкачественной.

- Так зачем же ты продержал ее три недели? - спросил О'Доннелл, подумав о том, что в разговорах с Рейбенсом всегда приходится играть в игру «вопрос-ответ». Информацию из этого врача буквально выуживаешь.

- Спроси об этом Джо Пирсона! - ответил Рейбенс.

- Будь проще, когда говоришь со мной, Эрни, - попросил О'Доннелл. - Это же твоя больная.

В трубке наступило молчание. Потом тонкий голос отдельно произнес:

- Ладно. Я сказал, что опухоль доброкачественная, но прошло две с половиной недели, прежде чем я об этом узнал. Ровно столько времени потребовалось Джо Пирсону для того, чтобы сунуть стекло под свой микроскоп.

- Ты напоминал ему об этом?

– И не один раз! Я звонил ему раз пять. Он бы тянул еще больше, если бы я его не дергал.

– И именно поэтому миссис Брайан так долго была в клинике?

– Естественно. – В голосе на противоположном конце провода слышались язвительные нотки. – Или ты предлагаешь выписать ее без патологоанатомического заключения?

У Рейбенса основательные причины для недовольства, подумал О’Доннелл. Врач оказался в весьма затруднительном положении. Если бы он выписал больную, то не исключено, что ему пришлось бы потом звонить ей и вызывать для следующей операции, как это случилось с Руфусом. С другой стороны, каждый лишний день пребывания в клинике означал дополнительное финансовое бремя для семьи больной.

– Я ничего не предлагаю, Эрни, – уклончиво ответил О’Доннелл, – просто интересуюсь.

Рейбенс думал о том же.

– Тогда тебе лучше поговорить не со мной, – сказал он. – И к тому же я не единственный, с кем такое произошло. Ты же знаешь про Билла Руфуса.

– Да, знаю. Честно говоря, я думал, что положение с тех пор немного улучшилось.

– Может быть. Только я почему-то этого не заметил. Что прикажете делать со счетом Брайана?

– Сомневаюсь, что мы сможем что-то сделать. Его жена действительно провела в клинике три недели. Ты же знаешь, что мы и так ограничены в средствах.

Интересно, подумал О’Доннелл, как бы отреагировал Рейбенс, если бы ему предложили отдать в строительный фонд клиники свои личные шесть тысяч долларов?

– Дело достаточно тухлое, – объяснил Рейбенс. – Муж больной – приличный, но небогатый человек. Кажется, он плотник, выполняет частные заказы. У него нет страховки. Наши счета заставят его надолго влезть в долги.

О’Доннелл молчал, размышляя о том, что же делать дальше.

В трубке снова раздался фальцет Рейбенса:

– Это все?

– Да, Эрни, это все. Спасибо. Гарри, я хочу сегодня же созвать совещание, – сказал О’Доннелл, передавая трубку Томазелли. – Надо пригласить нескольких старших врачей. Мы соберемся здесь, если это удобно. Я хочу, чтобы ты тоже присутствовал.

Томазелли кивнул:

– Это можно сделать.

О’Доннелл начал перебирать в уме имена:

– Мы, естественно, пригласим Чендлера как главного терапевта. Надо позвать Руфуса и, конечно, Рейбенса. Да, надо позвать и Дорнбергера. Он может оказаться полезным. Сколько всего получается?

Администратор посмотрел на записанные в блокнот имена:

– Шесть, если считать тебя и меня. Как насчет Люси Грейнджер?

О’Доннелл на мгновение задумался.

– Хорошо, пусть нас будет семь.

– Повестка дня? – Томазелли приготовился записывать.

О’Доннелл покачал головой:

– Нам не нужна подробная повестка. Вопрос будет один: изменения в работе отделения патологической анатомии.

Когда администратор назвал имя Люси Грейнджер, О’Доннелл колебался только по одной причине: Томазелли невольно напомнил ему о свидании с Люси накануне вечером. Они, как договорились перед клинико-анатомической конференцией, поужинали в «Палм-Корте» отеля Рузвельта – ели роскошную еду и пили коктейли, рассказывая друг другу о себе, о знакомых, о случаях из жизни – профессиональной и обыденной.

После ужина О’Доннелл отвез Люси домой. Незадолго до этого она переехала в Бенвенуто-Грандж, в большую шикарную квартиру в северной части города.

– Не зайдешь пропустить рюмочку на ночь?

О’Доннелл оставил машину одетому в униформу швейцару, который припарковал ее, и последовал за Люси. В сверкающем никелем тихом лифте они поднялись на пятый этаж, прошли по коридору, облицованному березовыми панелями, устланному широким толстым, приглушающим шаги ковром. Глядя на эту роскошь, О’Доннелл удивленно вскинул брови.

Люси улыбнулась:

– Это подавляет, правда? Я сама до сих пор не могу прийти в себя.

Она открыла дверь и нажала клавишу выключателя. Мягкий, приглушенный свет осветил элегантную гостиную. Впереди О’Доннелл заметил приоткрытую дверь спальни.

– Сейчас я смешаю коктейль, – сказала Люси.

Она повернулась к О’Доннеллу спиной, и он слышал только, как позвякивает в стаканах лед.

– Люси, ты никогда не была замужем? – спросил он.

- Нет, - ответила она не обернувшись.

- Могу я узнать почему? - тихо спросил он.

- На самом деле все очень просто. Но меня уже давно никто об этом не спрашивал. - Люси обернулась, держа в руках готовые коктейли, один из которых протянула О'Доннеллу. Опустившись в кресло, она задумчиво продолжила: - Сейчас я вспоминаю и думаю, что мне всего один раз предлагали выйти замуж - я имею в виду всерьез. Я тогда была значительно моложе.

О'Доннелл попробовал коктейль.

- И ты ответила «нет»?

- Я хотела сделать карьеру в медицине. В то время это было для меня безумно важным. Карьера и брак казались мне несовместимыми.

- Не жалеешь об этом? - с деланной небрежностью спросил он.

Люси задумалась.

- Конечно, нет. Я добилась того, чего хотела, в определенном смысле я вознаграждена. Иногда, правда, я гадаю, что было бы при другом ответе. Но это так по-человечески, не правда ли?

- Пожалуй, да, - ответил он. Его почему-то тронул ответ Люси. Он чувствовал себя так умиротворенно, словно после долгих скитаний вернулся домой. Ей надо иметь детей. - И ты по-прежнему думаешь, что брак и медицина несовместимы, во всяком случае, для тебя?

- Теперь я уже не так догматична. - Она улыбнулась. - Этому я, кажется, научилась.

О'Доннелл задумался. Что будет для него означать женитьба на Люси? Будет ли в их доме царить любовь и покой? Или их параллельные пути в профессиональной карьере зашли так далеко, что стало поздно что-либо менять, приспособиваясь друг к другу? Если они поженятся, то что будут делать в часы

досуга? Будут ли эти часы по-домашнему интимны? Или они будут без конца решать проблемы клиники, читая за обедом истории болезни и обсуждая на десерт диагностические проблемы? Получит ли он в результате брака желанное убежище от невзгод, или он станет лишь продолжением медицинской рутины?

- Знаешь, я всегда думал, что между нами много общего, - сказал он.

- Да, Кент, - ответила Люси, - я тоже так думаю.

О'Доннелл допил коктейль и встал. Он понимал, что они сказали друг другу гораздо больше, чем было выражено словами. Теперь ему требовалось время, чтобы хорошенько все обдумать. Слишком многое поставлено на карту, чтобы принимать скоропалительные решения.

- Тебе не обязательно уходить, Кент, - заметила Люси. - Если хочешь, можешь остаться.

Она сказала это так просто, что О'Доннелл понял: если он останется, то дальше все будет зависеть только от него.

В глубине души он жаждал остаться, но осторожность и привычка взяли верх. Он взял Люси за руки:

- Доброй ночи, Люси. Давай сначала все обдумаем.

Когда двери лифта закрывались, Люси стояла на пороге квартиры и смотрела вслед О'Доннеллу.

Глава 6

- Я созвал вас, - начал О'Доннелл, обращаясь к сидевшим вокруг стола врачам, - чтобы заручиться поддержкой в одном важном деле.

Присутствующие внимательно слушали главного хирурга. Пришли все, кроме Рейбенса, занятого на плановом грыжесечении.

О'Доннелл продолжил:

– Мне кажется, что всем нам известны проблемы отделения патологической анатомии. Думаю, вы согласитесь со мной, что они не только медицинские, но и личностные.

– И что же это за проблемы? – спросил Дорнбергер. Говоря это, пожилой акушер-гинеколог набивал трубку. – Боюсь, я не понимаю, куда ты клонишь, Кент.

Чего-то подобного О'Доннелл ждал. Он знал, что Дорнбергер и Пирсон – близкие друзья, и поэтому ответил со всей возможной вежливостью:

– Я хочу, чтобы ты выслушал меня до конца, Чарли. Я постараюсь все объяснить.

Он принялся методично перечислять проблемы: задержки заключений по хирургическим случаям, повышение нагрузки на отделение патологической анатомии, неспособность Джо Пирсона в одиночку с ней справиться. Он упомянул о случае с Руфусом и посмотрел на него, ища поддержки, рассказал о телефонном разговоре с Рейбенсом. Упомянул и о своем разговоре с Пирсоном и об отказе старика взять в штат второго патологоанатома. В заключение О'Доннелл сказал:

– Я убежден, что нам нужен второй патологоанатом. Я хочу, чтобы вы мне в этом помогли.

– Меня тоже тревожит ситуация с патологической анатомией, – торопливо, словно боясь, что его слова не попадут в протокол, сказал главный терапевт клиники доктор Чендлер. Однако дальше он продолжал, как обычно, глубокомысленно и весомо, даже несколько напыщенно. – Сложность заключается в стиле Джо Пирсона. Но всем нам следует учесть, что он заведующий отделением и его стиль – это стиль руководителя отделения. А значит, мы должны избегать любых действий, которые могут подорвать его авторитет.

– Согласен, – ответил О’Доннелл. – Именно поэтому мне нужна помощь. Помощь в том, чтобы убедить Пирсона в необходимости изменений.

– Не уверен, что мне нравится способ, каким мы это делаем, – сказал Руфус.

– Почему, Билл? – спросил О’Доннелл, отметив, что сегодня на нем более скромный галстук – всего три цвета вместо обычных четырех.

– Мне кажется, что мы, собравшиеся здесь врачи, не имеем никакого права говорить об изменениях в работе отделения патологической анатомии. – Руфус окинул взглядом присутствующих: – Действительно, у меня было несколько неприятных столкновений с Джо Пирсоном. Думаю, что они были и у большинства присутствующих. Но это не означает, что я готов присоединиться к заговору, цель которого – убрать Джо из отделения.

О’Доннелл был рад этому высказыванию и был внутренне к нему готов.

– Позвольте мне объясниться, – сказал он. – У меня, как, надеюсь, ни у кого из присутствующих, нет ни малейшего намерения, – он взглянул на Руфуса, – выгонять доктора Пирсона.

Врачи одобрительно закивали.

– Давайте рассуждать так, – продолжил главный хирург. – Все согласны в том, что изменения в отделении патологической анатомии давно назрели. Для обоснования достаточно одних только задержек с хирургическими заключениями. Каждый день отсрочки необходимой операции создает опасность для больного. Думаю, нет нужды убеждать вас в этом.

В разговор вступил Томазелли:

– Не надо забывать, что такие задержки уменьшают количество больных, которым мы можем помочь. Очередь на госпитализацию и без того велика.

Потом снова заговорил О’Доннелл:

– Конечно, вместо того чтобы созывать вас, я мог бы настоять на собрании медицинского совета. – Он сделал паузу. – И я на это пойду, если возникнет такая необходимость, но, думаю, вы не хуже меня знаете, что из этого получится. Джо сам является членом медицинского совета, у него большая поддержка со стороны старой гвардии совета, и обсуждение этого вопроса выльется в ругань и склоку. Допустим, мы победим – докажем, что Пирсон не в состоянии возглавлять отделение. И что? Чего мы этим добьемся? Тем самым, как правильно сказал Харви, мы подорвем авторитет не только патологической анатомии, но и всей клиники.

О’Доннелл умолчал о том, что возможный конфликт неминуемо приведет и к политическим осложнениям.

– Я не говорю, что я с вами согласен, но в чем заключаются ваши предложения? – спросил Дорнбергер. Он подкрепил вопрос клубом синеватого дыма.

Руфус сморщил нос:

– Надо быстрее заканчивать, а то здесь скоро будет нечем дышать. Откуда вы привозите этот верблюжий навоз, Чарли?

Все улыбнулись, и О’Доннелл решил, что пора ставить точку.

– Я предлагаю вам, Чарли, поговорить с Джо Пирсоном от нашего имени.

– О нет!

О’Доннелл предвидел такую реакцию и попытался как можно убедительнее уговорить гинеколога.

– Чарли, мы все знаем, что вы близкий друг Джо. Я не просто так пригласил вас сюда. Вы один можете убедить его в необходимости изменений.

– Другими словами, вы хотите, чтобы я стал вашим палачом и занес над ним ваш топор? – сухо спросил он.

– Чарли, поверьте мне, речь идет не о топоре.

Дорнбергер заколебался. Он видел, что все смотрят на него, напряженно ожидая ответа. Как поступить: внять убеждениям О'Доннелла или нет? Его разрывали два чувства – озабоченность судьбой клиники и дружеское отношение к доктору Пирсону. Положение дел в отделении патологической анатомии, собственно, не было для него новостью. Он и сам подозревал, что там не все в порядке. Тем не менее случаи с Руфусом и Рейбенсом поразили его. Кроме того, он понимал, что главный хирург, к которому он относится с большим уважением, не стал бы созывать это совещание без особых причин.

В то же время Дорнбергер хотел всеми силами помочь Джо Пирсону, и его до глубины души возмущала волна неприязни, обрушившаяся на старого друга. Правда, О'Доннелл, кажется, искренне говорит о том, что у него нет намерения избавиться от Пирсона, да и остальные тоже этого не хотят.

Дорнбергер окинул взглядом присутствующих.

– Это единодушное решение? – спросил он.

– Я очень люблю Джо, – задумчиво произнесла Люси Грейнджер. – Думаю, как и все мы. Но я полагаю, что изменения в работе отделения патологической анатомии давно назрели.

До сих пор Люси молчала. Она больше думала о вчерашней встрече с О'Доннеллом. Вчерашний визит Кента взволновал ее. Такого смятения она не испытывала много лет. Уж не влюблена ли она в него? Все совещание она убеждала себя, хотя и не очень уверенно, что такие слова хороши для молодых и горячих, а в ее возрасте надо больше думать головой и не поддаваться эмоциям. В результате она нашла в себе силы отделить личное от профессионального и включилась в решение обсуждаемых проблем. Медицина учит этому искусству – отвлекаться от личного ради решения неотложных задач.

О'Доннелл посмотрел на Руфуса:

– Билл?

Хирург кивнул:

– Хорошо. Если Чарли поговорит с Пирсоном, то я согласен.

Следующим был Чендлер. Он обратился к Дорнбергеру:

– Чарли, мое мнение таково, что это самый лучший способ разрешить ситуацию. Ты окажешь нам и всей клинике неоценимую услугу.

– Хорошо, – ответил Дорнбергер. – Посмотрим, что я смогу сделать.

На какое-то время наступила тишина, и О’Доннелл ощутил невероятное облегчение. Коллеги наконец поняли и оценили проблемы и начали что-то предпринимать. Дело, кажется, сдвинулось с мертвой точки. Но иногда, подумал он, все усилия идут насмарку, если не во всем следовать принятому протоколу; если попытка окажется неудачной, придется прибегнуть к более жестким мерам. В промышленности, когда человек не справляется со своими обязанностями, его увольняют или назначают ему помощника. Издаётся приказ – и помощник выходит на работу. В медицине все не так просто. Авторитет руководства здесь очерчен не так четко, и назначенный заведующий отделением скоро становится полновластным хозяином своей епархии. Еще важнее то, что медицинский руководитель всегда сомневается, стоит ли принимать жесткие меры, ибо понимает, что имеет дело не просто с работой. Приходится как бы оспаривать способности человека, который, как и ты, зависит от своей профессиональной репутации. Это очень деликатный вопрос. Единственное решение может непоправимо испортить будущее товарища по профессии, попросту лишить его средств к существованию. Именно поэтому такие дела решаются осторожно и по возможности скрытно от чужих глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Рассечение брюшной стенки с целью уточнения диагноза. – Здесь и далее примеч. пер.

Купить: <https://tellnovel.com/artur-heyli/klinika-anatomiya-zhizni>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)